

Всеволод Алферов, Александр Ивицкий

Князь мира

*Уже немного Мне говорить с вами;
ибо идет князь мира сего,
и во Мне не имеет ничего.*
Ин. 14:30

Дело о провалившемся сквозь землю

— Петер Стелик, вы признаетесь виновным, — голос судьи трещал, как сухое дерево на ветру.

Да-да, превышение самообороны и тяжкие телесные. По правде, Алеш заранее знал, что скажет судья. Зря он сюда сунулся. Гнилое дело, с самого начала было ясно, что на парня повесят всех собак.

Но полицейский надеялся.

Вот и все. Стук молотка.

— Тихо! У вас есть право на последнее слово. Постарайтесь им не злоупотреблять.

В кресле с высокой спинкой судья Млынар казался крохотным. «А он постарел», — подумал Алеш. В последний раз лейтенант заходил в суд еще во время практики. С тех пор на одутловатом лице выступил румянец, изобличающий пьющего человека. Когда старик говорил, Алеш не мог смотреть судье в глаза, вместо этого он разглядывал нос Млынара с яркими прожилками.

А подсудимый ничего так. Молодцом держится!

Парень встал. Он казался изможденным и не очень здоровым. Ну точно — вечно голодный студент. Худой, бледный, слишком короткие рукава висели сантиметра на два выше запястий. Петер Стелик хрустнул пальцами.

Спросил:

— Это окончательный вердикт? Вы хорошо подумали?

Холодно спросил. Те, кто вот-вот отправятся за решетку — обычно так не говорят. Со скамьи поднялся прокурор Кужел.

— Будь ты пограмотней, малец, знал бы, что вердикт всегда окончательный. Может, вы еще пойдете в Верховный суд? — он бросил взгляд на серого человечка, муниципального адвоката. — Нет. Конечно, нет. Поберегись, парень! Чего доброго, прибавим неуважение к суду и неповиновение власти.

— Я понял.

Черт! Не так, не так ведут себя приговоренные.

— Последнее слово, молодой человек! — напомнил Млынар. — Если сказать нечего, не тратьте наше время.

Господи, как душно и как много народу! Зачем, ну зачем он сюда пришел? Теперь Алеш дорого бы дал, чтобы этого не видеть. Он скользил взглядом по лицам и прослушал, как парень начал говорить.

— ...четыре часа, — а голос все-таки дрожит. Да, обдает холодом, но и дрожит от страха. — Судья Владко Млынар, прокурор Тибор Кужел и пострадавший. У вас есть двадцать четыре часа, чтобы проститься с близкими и закончить дела. Я...

Парень запнулся. В зале кто-то негромко кашлянул. Наконец, Петер закончил:

— Нет, это все. Я все сказал. Спасибо, ваша честь.

— Вот как? Ну-ну, — Млынар сухо хохотнул.

А потом парень исчез.

Вот так, буднично.

Вздых или два в зале царил тишина, затем раздался крик. Охранник гремел ключами, отпирая клетку подсудимого. Стучал молоток. Вопль все тянулся, отражался от дубовых панелей, вибрировал под потолком.

Алеш вскочил и впился взглядом в пустоту. Да все вскочили! Лейтенант читал о побегах со скамьи подсудимых. Помнил, как застрелили Матуса Бешеного — аккуратно в судебном дворе, после зачитки приговора. Но чтобы... В зале как будто похолодало. Спинной мозг точно заледенел.

Прокурор пучил глаза. Судья вцепился в молоток и со всей дури колотил, словно это вернет ему подсудимого. Крик все звучал, ввинчиваясь в мозг. Охранник наконец вломился в клетку и теперь хватал пустой воздух. Он что, надеется, что Петер стал невидимым?

Как будто одна чертовщина лучше другой.

Посреди гама и грохота Алеш опустился на скамью. И без него есть, кому вопить и толкаться. Закурить бы, но кто же курит в казенном месте?

Полицейский просто сложил на груди руки и закрыл глаза.

Гнилое дело. С самого начала так было.

Начиналось все просто. В двадцать два четырнадцать девятого октября Ивка Михалык, девятнадцати лет, спешила домой и шла напрямик: не освещенной улицей, а пустырем вдоль Кельминского водохранилища. Ну что ей стоило потратить пять минут? В трехстах метрах — ухоженный сквер и кованые фонари. В двухстах — охраняемый небоскреб, увенчанный шипастой короной. Но если богачей Даница в чем и не упрекнешь, так это в чувстве вкуса. Они же сами из трущоб, просто не видят, посреди чего возводят небоскребы. За жестяным забором лепятся брошенные развалюхи. Над старым асфальтом вдоль кромки воды — ни одного фонаря. Ивка рискнула пойти этой самой дорожкой.

Где и столкнулась с Паволом Глинкой, ранее дважды задержанным за пьяные драки.

Гражданин Глинка пытался совершить сексуальное насилие, но не успел — по тропке вслед за Ивкой шел гражданин Стелик, который отметелил хулигана на чем свет стоит. Девушка не пострадала, а Павол Глинка загремел в госпиталь.

Все просто. Все *было* просто, пока Алешу не напомнили, что выборы городского головы через два месяца.

— Прокурор хочет закрыть дело так, а не иначе.

Было часов десять вечера, и полковник налил себе коньяку, но Алешу не предложил.

— Сынок, он выбрал семнадцать папок и хочет все подать в суд. Я знаю, что ты скажешь. Но сам пойми: выборы, Лука вот переизбирается... нам нужно показать статистику.

Ну да, конечно. Прокурор — школьный друг городского головы.

— Но это бред! Пусть подает на Глинку.

— Заявление написал Глинка, а не Стелик. У него отбиты почки и сломаны пять ребер. Ну хватит, сынок! Твой крестonosец сам хорош, его будут судить, и я скажу — за дело. А ты мой лучший меч правосудия, вот что. И для тебя полно работы.

— Вы сами-то довольны этим делом?

— Скачу в восторге! — полковник хватил ладонью по столу. Он наставил на Алеша палец и тихо отчетливо произнес: — И ты, сынок, будешь доволен. Если хочешь сидеть здесь, а не ходить в патруль где-нибудь в Будынской дельнице.

Гнилое дело. А как все просто начиналось.

Дверь бесшумно отворилась, и Алеш оторвал взгляд от бумаг.

— А я все знаю, — Ришо, напарник лейтенанта, прикрыл створку и подпер ее спиной. — Побег из зала суда, да? Парни болтают, что ему помогли. Был человек в зале. Как с Бешеным, только того застрелили, а этому помогли бежать.

— Если бы!

— Так а что было-то, расскажешь? По радио говорят, побег, но как?

Как же ему рассказывать? Что подсудимый растворился в воздухе... да нет же, бред! Вон и радио говорит о побеге, а ведь в зале сидели «Денник» и «Новый час». Алеш не помнил, снимали они или только записывали. Вернее всего — скучали. Дело-то ерундовое, даже заметку не склепаешь.

Он набрал в грудь воздуха, когда Ришо выпалил:

— Потом, все потом! Сейчас тебя хочет видеть полковник.

— Чтоб он...

— Ты задолжал рассказ! — Ришо посторонился, выпустив товарища в коридор. — Ты обещал, попробуй только забыть!

«Черта с два я тебе обещал». Алеш уже стучал в соседнюю конторскую дверь.

Вообще-то полковник Вит славный мужик. Сынок его выпивает, а сам Вит славный. Разве что больно чуткий к пожеланиям денежных мешков — но как без этого? На его месте без чуткости не усидишь.

— А, это ты? Садись, садись. Черт, как я все это ненавижу! «...могли бы дать комментарий о происшествии. Какими версиями располагает полиция?» Да иди в жопу, вот мой комментарий!

Коричневый пиджак висел на спинке кресла. Монитор залил лицо Вита призрачным бледным светом. Полковник клацнул мышкой и посмотрел на лейтенанта.

— Ну как оно, сынок? Когда обосрешься и стыдно посмотреть в глаза.

— Я...

— Ну ладно-ладно, сам знаю. Если хочешь, и я тоже прошляпил. Бедный студент, их приезжают тысячи из этих шахтерских поселков. Кто их считать будет? А оказалось вот как.

Оказалось. Лейтенант и сейчас вздрагивал, стоило вспомнить зал суда. И крик бьется о стены — словно залетевшая в окно птица. Темный, шершавый, мокрый запах. Кто-то приподнял крышку ведущего в бездну колодца — и сразу опустил.

— Как — оказалось? — хрипло спросил Алеш. — Вы так говорите, как будто знаете, в чем дело. Как будто кто-то знает! Да никто, слышите, никто не...

— Слышу. Слышу, — Вит положил обе ладони на стол. — Не кипятись. Никто не знает, это я понял. Согласен. Так вот выясняй.

В кабинете повисла тишина.

...Он долго, очень долго сидел с закрытыми глазами. А в зале суда так холодно! Зрители бегали, спорили — всем было не до того, а он сидел и слышал то, что не слышали другие. Казалось, если откроет глаза — увидит голубовато-сизый морозный дым. Холод щипал пальцы и проникал вместе с дыханием внутрь. Сама темнота за закрытыми веками стала знобкой, черной и прозрачной...

Вит хочет выяснить об этой тьме?

— Да-да, конечно. Я знаю, что ты думаешь! — между тем, говорил полковник.

Этот всегда все знает.

— Где это видано, чтоб люди растворялись в воздухе? — Вит тряхнул головой, щеки у него горели. — Какие есть предположения? Скажем, соседские спецслужбы. Понятно, нам это не по чину, у нас тут уличная преступность, а не Служба безопасности. Ну а кто займется? Нет, ты скажи? Боровы из СБ? Так они заняты, все сидят на потоках. Стелика у тебя отберут, это ясен пень. Ну а мы, глядишь, волну разгоним. Чтоб не замяли. Понял? Нам не результат нужен, а только начать. И чтоб о твоём Стелике знала каждая бабка у подъезда. Чтоб парикмахерша моя обсуждала! Чтоб просто «занести» нельзя было.

Полминуты они молчали.

Спецслужбы. Пфф! Спецслужбы не пахнут ни тьмой, ни сыростью, ни каменной пылью. Алеш не хотел больше слышать, не хотел знать, что там еще надумал полковник. Наконец, Вит спросил:

— Ну? Понял теперь?

Желтая лампа залила комнату тусклым мигающим светом.

— Понял.

— А понял, так иди. Мне нужно все, слышишь? Девка у Стелика была? Была!

— Мы с нею гово...

— Так поговори еще раз! Пошли своего Ришо в университет. Где-то же он числился? Я что, учить тебя должен? Мне нужно все!

— Так точно, господин полковник.

— Вот так-то. Иди, меч правосудия. И торопись, скоро дело отберут.

Когда Алеш вышел, Ришо от нетерпения приплясывал в коридоре. «Копать под парня, который растворился в воздухе. На глазах у сотни свидетелей, — думал лейтенант. — Нет, это не самое поганое. Есть вещи хуже. Куда хуже».

Например, если он что-нибудь найдет.

Когда все стихло, Алеш открыл глаза. В зале суда было темно, и что-то тихо потрескивало. Подошвы его липли к паркету, пахло пылью. Алеш пробирался меж лежащими повсюду телами. Трудно было отличить зрителей от охранников, охранников от журналистов: неподвижные, в неестественных позах — все стали на одно лицо. Полицейский тихонько переступал через руки и головы.

Он нипочем бы не нашел Ивку, кабы не красная сумочка. Девушка сжала ее побелевшими пальцами в самом начале заседания — да так и цеплялась за нее до самой смерти.

Она казалась даже легче сына — а в последний раз Алеш брал пацана на руки лет пять назад. Ему сделалось дурно. Подсудимый, потерпевший — к чему эта возня, если он не защитил девушку? Зачем они вообще сидят в серой коробке на Гавра Лубвы четыре, спорят, переключают бумаги, если главное — *он не защитил девушку!*

Он нес Ивку пустыми коридорами и слышал: во мраке за стенами звенит, гудит отвратительный звук и нарастает с каждым шагом. Успеть бы! Он запнулся и едва удержал равновесие.

— Побольше бы света. Хоть немного. Пожалуйста!

Он сам не знал, кого молит. Нужно отсюда выбраться. Главное выйти из здания. За окнами темно и пусто — но это ничего, он как-нибудь разберется.

Успеть. Успеть. Вынести ее!

...Отвратительный звук — мелодия телефона — наконец заставил его открыть глаза.

Мутный осенний день пролез в квартиру через щель в шторах. Телевизор все еще бубнил. Звон буравил мозг, пока Алеш на деревянных ногах брел на звук.

— Ну и где ты?

Ришо. Дерьмо!

— Дома. А что... Черт-черт-черт! Сколько времени?

— Одиннадцать сорок два. Можешь не спешить уже. Включи новости.

Пока Алеш слонялся в поисках пульта, напарник злорадно спросил:

— Ну что? Напился вчера, да?

— Ты знаешь, я почти не пью. Ну, выпил немного... Сколько мне там нужно? Ох!

— А вот не строил бы святошу, не расклеился бы от рюмки-другой.

По правде, Алеш его не слышал. Он, наконец, нащупал пульт.

— ...связано с происшествием в Ворошском дельничном суде Даница, — говорила ведущая. — Так или иначе, правоохранители пока не исключают ни одной версии и отказываются озвучить основную. Сенаторы от партии «Свобода и солидарность» уже заявили о политической расправе. Генеральный прокурор взял дело под личный контроль, но исчезновение может пошатнуть и без того хрупкую коалицию в Национальном Зборе.

ТВЗ показывал знакомое приземистое здание с растущими вдоль фасада липами. Млынар на судейском круглом столе. Кадры с пресс-конференций прокурора. Белый особняк с гранитными перилами и бурой мемориальной доской.

«Служба беспредела» тут как тут.

— Дерьмо, — выдохнул Алеш.

— Ну, он же обещал двадцать четыре часа, — Ришо хихикнул. — Надо сказать, они исчезли... эффектно.

Камера сфокусировалась на черно-синем, с солнцем, флаге над крыльцом СБ, и диктор на заднем плане продолжила:

— Между тем, хотя полиция и Служба безопасности воздерживаются от заключений, наши коллеги из «Денника» вчера присутствовали в зале суда.

Тихое шипение из телефонной трубки проливалось в ухо.

— Я буду через час, — нарушил молчание Алеш. — Напиши за меня объяснительную. Все, отбой!

— ...почти ничего, — говорил в камеру подкачанный молодой человек в очках. — Больше всего похоже — знаете, как силуэт после ядерного взрыва? Может, в фильмах видели. И надпись «Несправедливость», все пеплом на стене. Это то, что говорит прислуга. Мы не смогли попасть в загородный дом судьи, все оцеплено, но родители оправданного вчера Глинки показали нам похожую надпись.

Коридор с потертыми обоями. Камера в руках оператора прыгает, так что изображение дрожит на экране. Вешалка с куртками, обувь и старая дубовая дверь.

Черный наклонный силуэт, словно встающий из плинтуса призрак — не то вспышка произошла чуть в стороне, а может, Глинка был пьян и нетвердо стоял на ногах. И такая же, пеплом, надпись.

«Подлость».

Алеш почувствовал позывы к рвоте.

Дело о любвеобильном банкире

— Ну что, парни, у нас там один горелый, в кафе «Штур». В три часа ночи.

Вит, отдуваясь, сел за стол, за которым проводил утренние планерки. Пиджак, на сей раз синий, измялся еще больше обычного. Они почти не спали последнюю неделю. Да весь Даниц потерял сон, беспокойно ежился, спешил по домам с окончанием рабочего дня — но полиции досталось больше всех. Теперь они работали посменно, по двенадцать часов.

— У меня тут целая пачка всего, так что не будем тратить время. Алеш, Ришо! Кафе оцеплено, но людей не хватает, давайте в темпе. Ноги в руки и уже там! Криминалист тоже едет. Юрай, что по вчерашнему?

За спиной Вита к магнитной доске прикрепили большую таблицу: число горелых по датам, по часам суток, дельницам. Выходя, Алеш бросил на доску взгляд. Жертв как будто меньше в последние пару дней, но он не обманывался. Это потому, что самые отъявленные уже превратились в следы на стене.

— ...полицейских тоже редуют. Буквально вчера исчезли полковник Дружак и лейтенант Полуш, — бубнил телевизор под потолком холла. — «Проклятье Даница», как его окрестили журналисты, приобретает черты геноцида: министры, чиновники и бизнесмены пропадают десятками по всей столице.

— Хороший геноцид. Одобряю! — хохотнул Ришо. Алеш не ответил, и парень попробовал еще раз: — А президент все держится, курилка. Как думаешь, почему?

— Понял, куда дует ветер, — буркнул Алеш. — Небось, попросил себя связать.

— И кляп. И еще выпросил кляп!

Ришо забежал вперед и затопал вниз по лестнице.

Еще не рассвело, в сумерках тополя безмолвно шевелили голыми ветвями. Покрытый предутренним ледком асфальт стал как железо.

— Ах, черт! Ну и холодрыга.

Ришо бегом добрался до машины и тут же полез внутрь. В сущности, его обязанности в том и состояли, чтобы сидеть за рулем, да еще «подай-принеси». Предполагалось, что он учится у старшего товарища, но Алеш не помнил, чтобы парень хоть раз сделал что-то дельное. У товарища папаша в аппарате парламента. И «подбросили» его не потому, что Алеш весь такой

опытный — после года с лишним ему бы самому ходить в младших напарниках — просто сторожить щенка поручили самому безответному сотруднику.

— Шесть пятнадцать, — ворчал Ришо, пока лейтенант садился в машину. — Сколько еще страдать, в такую рань? Когда это кончится?

Никогда. Но Алеш не стал этого говорить.

Нет, в самом деле! По слухам, дюжина разведок пытается отгадать, в чем дело. Да только все было ясно с самого начала: совершил грех — получи ответку. Даже тупице под силу понять. А впрочем, может, они что и придумают. Это мелкая шпана исчезает без писка, крупная рыба очень изобретательна, если загнать ее в сети. Таковы хозяева жизни в Данице.

Президент пока раздумывал, вводить ли комендантский час, но улицы и без того были пустыньны: в кругу близких меньше вероятность стать черным пятном. За стеклом проносились мерцающие вывески, никому не нужные в обезлюдевшем холодном городе.

Патрульный у кафе вышел навстречу, потирая озябшие руки.

— Следователи? Сюда!

— Алеш Барда, ворошское отделение. Что тут у нас?

— Да, бледзь, еще один горелый, — парень равнодушно пожал плечами. — Только у нас, бледзь, третий за ночь. Мы установили личность. Зовут Йелик Повиц.

Алеш цыкнул через плечо, когда спутник присвистнул.

— Ты что, не знаешь? Йелик Повиц, глава правления Примбанка!

Глаза у Ришо разгорелись, но следователь не разделял его энтузиазм. Еще банкиров не хватало! Его устраивало, что им двоим оставляют простых смертных, с большими шишками пусть возятся другие.

— Если это он, — от вспышки полицейской камеры Алеш поморщился. Черт, да что они снимают, даже он знает, что горелый внутри! Он обернулся к патрульному: — Что-нибудь еще?

— Девушка, ждет в кафе. Она была с ним весь вечер. И когда... ну, вы поняли. Тогда тоже. Паулина Вильма, семнадцать лет, и нет, бледзь, это не сценический псевдоним. Она студентка в экономико-правовом.

— Хорошо. Подготовьте протокол, я подпишу. Идем, Ришо. Нас ждет...

— ...тепло и кофе, приятель. Тепло и кофе!

Алеш частенько проезжал мимо белого, с арабесками, фасада кафе «Штур» — но еще ни разу еще не бывал внутри. За золоченой дверью сбегала в подвал лесенка, а внизу Алеш невольно заслонил глаза. Здесь крылось все великолепие Востока — помноженное на вульгарность Даница. Изразцы, мозаика на полу, мозаика на потолке. Сотня огней дробилась в вышивке подушек.

— Доброе утро! — приветствие администраторши было таким же фальшивым, как рисунок красивых глаз. — Столик на двоих или на компанию?

Она что, рехнулась?

— Барда и Рыбар, полиция, — резко ответил он. — Где девушка?

— Сюда, пожалуйста. Идите до конца, а после налево.

Они миновали анфиладу залов с низкими столиками, когда Ришо вполголоса заговорил:

— Если это *тот* Повиц, за ним добрая дюжина махинаций, знаешь?

— Например?

— Ну, например, зерно. Его вывозят подальше, держат два месяца, пока переклеят этикетки. Обрато ввозят как импортное, втрое дороже. А раз группа Прим убыточна, от государства положена дотация, другого агрохолдинга у нас нет.

Алеш помалкивал, но напарник уже понял, что завладел его вниманием.

— Все схемы обслуживает дочка Примбанка, дает кредиты. И каждый раз, как инвестиции проваливаются, Нацбанк вбухивает бабки в пострадавшие за страну институции. Сразу две схемы: Нацбанк и Министерство агропромышленности. Спешат наперегонки, как бы восполнить потери.

— Это доказано?

— Это все знают, — уклончиво ответил Ришо. — Можно подумать, суд что-то докажет! Все куплено.

— Но Повиц исчез не за это.

— Я просто хочу, чтобы ты знал.

Девушка в коже и замше тихо сидела в полутьме, уставившись в пространство. Они даже не сразу ее заметили. Тарелка с кускусом стояла напротив — словно официанты ждали, не вернется ли высокий гость.

Напарник тут же ретировался:

— Задай жару, Алеш а я не стану мешать, — Ришо поймал администратора и горячо зашептал: — Двойной, нет, тройной эспрессо. И сто грамм «Хеннеси».

— Паулина?

Она была бледна — так бледна, что голубые нити вен просвечивали сквозь кожу.

— Алеш Барда, ворошское отделение полиции. Мы можем поговорить?

Девушка даже не взглянула на него. Пальцы ее на высоком стакане для коктейля побелели, она сжала посудину обеими ладонями, словно грела руки о чашку с чаем. Так же точно цеплялась за сумочку Ивка Михалык.

Полицейский тихонько опустил голову — и в этот-то миг она разревелась.

— Ну тихо, тихо. Все уже кончилось. Все прошло.

Господи, какая глупость! Что кончилось, что может кончиться? Забрав у студентки стакан, Алеш ненароком задел ее руку — холодную, как лед. Полумрак всосал его мысли без остатка. Всхлипы в тишине. Они длились вечно — а он как будто снова нес хрупкую девушку, блуждая пыльными коридорами и спотыкаясь о складки ковровой дорожки.

Нет, так он будет ждать еще очень долго.

Алеш встал и прижал студентку к себе. Позволил ей схватиться за полы пиджака. Так и держал Паулину, холодную, дрожащую, пока слезы не иссякли.

— Я не хотела. Не хотела, понимаете? Вы верите? — девушка смотрела на него, большими серыми глазами. — Я просто думала попасть наверх, на самую верхушку. Я думала, на все согласна, это просто цена за работу... карьеру...

Она говорила все тише, а вскоре совсем умолкла. Вслух ее простой план звучал совсем не так складно, как в мыслях.

— Ублюдок, — сухо отметил Алеш.

— Но Йелик не виноват! Слышите? Это я, из-за меня он умер! И это не первый раз, у меня был парень. Дома. Пока я не поехала учиться. Я сама...

— Как это произошло?

— Альков закрывается, — надтреснутым голосом ответила она. — Получается отдельный кабинет, как в лучших ресторанах. Мы... я ведь все понимала, чем закончится, вы верите? — она смотрела прямо на него, снизу-вверх. — Я пришла, все зная. Чем все кончится.

Какой-то идиот включил свет — видно, чтобы помочь полиции. Огни разбросали неестественные тени по ее лицу, посуде, по остывшему кускусу.

— Потом он... был нетерпелив. Да! Нетерпелив. А я... я растерялась, понимаете, я вскрикнула, и тогда...

Она умолкла. Глаза у Паулины стали огромными, словно с чужого лица. Проследив ее взгляд, Алеш наконец увидел горелого. «Жестокое насилие».

Да уж, «был нетерпелив». Только теперь, присмотревшись, лейтенант заметил кровоподтек у нее на шее, ранее невидимый в тени. И она хороша — это же надо все так представить! Впрочем, бывает. Все случилось слишком быстро, должно быть, она сама не поняла, что произошло.

— Это я, я, я убила...

— Паулина, — прервал ее полицейский, пока шепот не превратился в истерику. — Даже если ты дала согласие. Ему за сорок, а тебе едва семнадцать, ты несовершеннолетняя. Ты видела надпись? «Жестокое насилие».

— Вы ничего не поняли! — горько сказала девушка. Теперь она вцепилась в край стола. — Так и не поняли. Ничего.

— Тебе есть, куда идти? — сменил тему Алеш.

— Общага. Кампус на Люксембургской.

— Хорошо, Паулина. Возьми такси. И выпишь. Главное — выпишь! Возьми визитку: если вспомнишь подробности или потребуется помощь...

Он понял, что говорит в пустоту, и замолк. Она вернулась туда, где обаятельный банкир жив и пригласил ее в заведение, на которое у студентки нет денег. Боже, как мерзко!

— В этом весь Даниц, — Ришо был тут как тут, слева и чуть позади, когда лейтенант покинул альков. — Одурели уже от денег, которые льются на город. Но как ты...

— С тобой отдельный разговор. «Хеннеси»? Черт, коньяк, в семь часов, на выезде?

— Я обостряю нюх, — усмехнулся Ришо. — Всего сто грамм. Но как? Зар-раза! Прямо в кафе!

— Альковы не зря запираются.

— Ну хорошо. И что теперь?

— Не знаю. Если не заметил, мир уже неделю как сошел с ума, — Алеш нахмурился. Тени точно подслушивали их. — Раньше мы искали, кто совершил грех, а теперь только фиксируем. Да, был такой. Да, согрешил. Но наши правила не работают, они рассчитаны на совсем другое.

— Чему там не работать? — не понял Ришо. — Осмотреть место преступления, навестить...

Алеш грубо перебил его:

— А зачем?

Хмурясь, он вышел в первый зал, с ведущей наверх лестницей.

— Как это зачем?

— Ты что, еще не понял? Зачем осматривать место преступления, если кара уже пришла? И должен сказать, скорее закона! Мы только фиксируем: да, исчезли.

— Ну, ты бы поговорил с криминалистом.

— А я тебе верю. Ты говоришь? Видел отчеты? Вот и отлично!

Алеш всем весом толкнул золоченую дверь и вывалился в знобкий рассвет. Бледная утренняя луна стояла низко в посеревшем небе. Под ногами хрустел тающий ледок.

— Бледзь, вот вы где! А я уж обыскался.

Лейтенант, не глядя, подписал протокол и плюхнулся в машину. Пока Ришо не захлопнул дверцу, дыхание парило, словно с каждым словом из Алеша уходила жизнь.

— Мы копаемся в биографиях, — продолжил он, — хотя бы просто для проформы. И все, что находим, говорит: да, испарилось зло. Искать стало нечего, понимаешь? У нас с тобой не осталось работы.

— Но сообщить родственникам мы должны?

— Сообщить должны, — признал Алеш.

Бессмысленная теперь корочка тыкалась в грудь, мешала даже сквозь два слоя ткани.

Даниц за лобовым стеклом начинал пробуждаться.

Ришо долго тряс перед камерой удостоверением, пока ворота, наконец, не разъехались. На парковку той самой высотки машина вползала медленно, со всем возможным почтением. А Алеш все смотрел вверх: гляди-ка! Шипастая корона, оказывается, не вверх торчит, а больше в стороны. Ну точно брусья под виселицы.

Здесь-то все и началось. Месяц назад в двухстах метрах отсюда Ивка Михалык встретила с насильником.

Хватит, сказал он себе. Она погибла только у тебя в воображении! В пьяном кошмаре. На том заседании никто не умер. Погибли судья, прокурор и насильник, да и с теми... все случилось потом и умирает ли вообще горелый? Исчезает, переносится прямиком в Геенну? За неделю набралось больше тысячи жертв, но мир перевернулся всего несколько дней назад: если так подумать, пока никто и ничего не знает.

Вместе с тройкой охранников полицейские кое-как втиснулись в лифт. Мир наверху был совсем иным: словно душа возносится с земли в Рай. Крыши старинных домов, брусчатка, тут и там торчат стеклянные небоскребы. Построили их, как водится, во дворах — где подешевле земля и нет нужды тратиться на снос зданий. Забавно, вот проспект Конституции облицевали к Олимпийским играм, а с задов так и осталась темная от дождей известка.

Славно, должно быть, глядеть на город и знать, что тот с потрохами твой!

— Ну прям *его!* — буркнул Ришо. — Не забывай, Повиц — глава только части холдинга, у него еще есть хозяйка. Был главой.

Господи, он что, сказал это вслух? Алеш оглянулся, но на лицах секьюрити не дрогнул ни один мускул.

Охрана следовала за ними, как трое верных псов. Право, это смешно! Им больше делать нечего? Кто же будет сторожить огороженный периметр, с детскими площадками, парковками и салонами красоты? Дверь приоткрыла женщина в домашнем платье, и Алеш сразу понял — она знает. Она что, вовсе не ложилась? Или как у них принято: встречать мужа в косметике и на каблуках?

— Вы верно из полиции?

Она и не ждала ответа. Бросив дверь, повернулась спиной и пошла прочь по длинному, роскошному, как Овальный кабинет, холлу.

— Госпожа Повиц! — окликнул он.

Куда там! Только каблуки стучат по бесценному паркету. — С вами все в порядке, господа...

— Сейчас... уже все хорошо, — невнятно произнесла она. — Я только присяду. Да... Прошу прощения.

Алеш был худшего мнения о вкусах банкира, он видел фото из кабинета президента: тяжелая мебель, малахит и много, много позолоты. Думал — все они, большие шишки, живут так же. В комнате, куда их привела Марта Повиц, господствовали окна во всю стену. Бледный ковер, бледные обои с вертикальными полосами, только под потолком тянулась синяя линия.

Марта встала столбом посреди гостиной.

— Я просто... я... — она поворачивалась то к дивану, то к креслам, а то к ним двоим, не зная, куда деть руки. Наконец, она закрыла лицо ладонями. — Я немного не в себе. Прошу прощения.

Его учили, как говорить с людьми в шоке. Размеренно и мягко лейтенант начал:

— Это мы должны просить прощения. Дело в том...

— Боже, я все уже знаю! — жена банкира, как подкошенная, рухнула на диван, сцепила руки. — Нашлись добрые люди. Скажите, как он там оказался! Почему чертово кафе?

— У него была встреча. Студентка экономико-правового — возможно, практикантка или чья-то помощница.

Марта Повиц слушала секунду-другую, а потом вдруг расхохоталась — высоким и нервным смехом. Пару вздохов они смотрели друг другу в глаза.

— Простите, не сказала, — она утерла слезы. — Я думала, сами догадаетесь. Йелик мертв, а мне плевать на его деловую репутацию.

— Вы знали о слабостях супруга?

— Даже Бранка. Это наша дочь. Даже она догадывалась.

— Вы знали, где он был вчера?

— Не то, чтобы наверняка. Конечно, в самолете, где же еще? — с красивых губ сорвался смешок.

— Что ей всего месяц как семнадцать?

— Следователь... простите, не знаю вашей фамилии. Даниц большой город, он весь пророс метастазами. Что, так нужно сказать все вслух? — Марта умолкла, а продолжила тихо: — Правда в том, что Йелику нравились молоденькие. *Очень* молоденькие. Ну как? Теперь вы довольны?

— Вас это устраивало?

Нужно отдать должное, жена банкира потупилась.

— Когда мы встретились, мне было четырнадцать, а ему двадцать семь. Я думала, он совершенство, финансовый гений, красавец. Ушло три года, пока я поняла, что гений — это все папенька и еще старший брат. Но, знаете, мне было уже все равно, — она помолчала и тихо призналась: — По-своему, мы друг друга любили. Очень.

По-своему — получасовой допрос дался Алешу даже тяжелее разговора в кафе «Штур». С ярких губ Марты не сходила улыбка, порой она опускала глаза долу — чтобы вновь вскинуть с насмешкой. Уже позже, в лифте, когда они возвращались на грешную землю, Ришо выругался:

— Зар-раза! Я год в полиции, но этот гной — он же всего неделю как полез, да?

Алеш медленно кивнул.

— Так густо да, после Стелика. Конечно, это всегда было, просто не так бросалось в глаза. Они спустились на первый, когда Ришо спросил:

— Как думаешь, а почему Даниц? Ну то есть я все размышляю: гной, он ведь по всему миру. Почему у нас? Мы же последняя дыра.

Алеш фыркнул. Помолчал.

— Мы всегда знали, что наша верхушка — моральные дегенераты. Поголовно. А может, где-то просто должно было случиться и почему бы не здесь?

Напарник не нашелся с ответом. Они шагали через двор под бдительным взглядом охранников, когда лейтенант решил поделиться страхами:

— Меня другое пугает, — заговорил он. — Ну хорошо, проклятье карает за грехи. Пока на город набралась всего тысяча, а что дальше? Сколько жертв будет за полгода, год?

— Ну ладно тебе! С чего ты взял, что за грехи?

Алеш хохотнул — коротко и отрывисто, как жена банкира полчаса назад. Ришо отворил дверцу да так и застыл, положив руку сверху.

— Ладно, пусть за грехи... но видишь же, горелых стало меньше!

— Просто самые подонки уже в пекле, — проворчал лейтенант, обходя машину. — Давай, парень. Пора возвращаться.

Алеш достал сигарету, пару раз чиркнул зажигалкой. А день, между тем, выйдет теплый. Иней растаял, город пах, словно кто-то заварил на улицах чай из прелой осенней листвы. Такое бывает лишь в Данице: ноябрь, по ночам замерзшие лужи, а днем — пятнадцать, что ли?

— Зараза, ты что-то хотел сказать, да? — не выдержал Ришо. Завел машину. Почти с обидой пожаловался: — Почему с тобой так? Скажешь мелочь, а потом ходи весь день, ломай голову. И настроение ни к черту.

— Я хотел сказать, что мир меняется, — вздохнул Алеш. Скомкал пустую пачку. — Если грех — не пустые разговоры, а конкретная, мгновенная смерть... все поменяется и, кто знает, к добру ли?

— А должно к худу? Что ты несешь!

— Что прошла неделя, и мы вводим чрезвычайное положение. Затем начнется хаос. Потом сломаются устои, все общество. Может, и пронесет. А может, случится апокалипсис, кто знает? Я ладно, а Мирослав еще совсем пацан.

— Как он, кстати?

— Дома, под охраной дракона. Сходит с ума от скуки. Данка его и на улицу-то не выводит, даже под присмотром.

Ришо сперва фыркнул, но тут же пробормотал:

— Ну, знаешь! Не могу ее винить.

— А я тем более. Да и попробовал бы. Я еще хочу принести пользу городу.

Помолчали. Машины так же деловито сновали вдоль Сенной площади: мимо Основателя, под серым портиком театра драмы — словно сегодня обычный день, как два или три месяца назад. Театру не было дела до их грехов. А вот люди стали крикливей, охочи до сплетен и ссорились по пустякам.

— Думаешь, прям апокалипсис?

— Ничего я не думаю! Не знаю. Пока что ангелы не трубят, и то хорошо.

Ришо надулся, мрачнее тучи — так что до участка доехали без его обычной болтовни. На втором этаже Анна, секретарша полковника, изловила лейтенанта за рукав и шепотом рассказала все новости — а после узнала, что он встал затемно, и пообещала кофе.

На пожарной лестнице кто-то курил, запах тянулся по коридору — и лейтенант с облегчением закрылся у себя. Сел за стол. Носком туфли включил компьютер.

И понял, что облегчение вышло совсем недолгим.

Ришо ворвался, словно они не виделись несколько дней:

— Вот! Вот же, смотри!

Он шлепнул на стол пачку отчетов, с таким видом, будто сам их и составил.

— Ну? Где кражи? Где убийства? Ноль, понимаешь? Ноль! И горелых все меньше, сегодня уже третий день.

— Вот я и думаю, что самые ублюдки кончились.

— Но это значит, все к лучшему! А не то, что ты заладил: конец света, туда-сюда. К лучшему же! Город очищается.

Отчет и в самом деле интересный. Первые страницы — словеса, подписи, Алеш сразу убрал их в сторону, а внутри... по всему выходило, что тяжелых и особо тяжелых за неделю почти не стало, только дорожные инциденты на том же уровне. Пожалуй, даже больше прежнего. Лейтенант клацнул мышкой по калькулятору: четыре с лишком процента. Да, где-то так должно быть. Все стали нервными.

— Ну? Что скажешь?

От необходимости отвечать его избавила Анна с дымящейся кружкой в руках.

— Ты слышала, что он придумал? — тут же воззвал к ней Ришо. — Апокалипсис! Все общество развалится.

— А у меня родня в селе, — Анна улыбнулась лейтенанту и водрузила чашку меж таблиц отчета. — Там никакого общества. Вы только заранее скажите, чтоб я билеты прикупила.

— Ты сама-то слышишь, что говоришь?

Кофе оказался растворимым и слишком горячим. Алеш решил, что пора заткнуть напарника, но секретарша сама напустилась на парня:

— Ой, мало ли! На Сенной уже год палатка стоит, и что? А недавно — видели? — покрасили унитаз золотой краской и так на постамент! Говорят, все из-за того, что верхи набивают карманы и купаются в роскоши. Только я думаю, где унитаз, а где горелые? Что ж теперь, всему верить? — она хлопнула себя по лбу. — Я вот зачем пришла. Полковник, Алеш. Он хочет тебя видеть.

— И зачем тогда кофе?

— Ой, да что он, зверь, что ли? Придешь — еще теплое будет.

Лейтенант невольно улыбнулся.

Вит тоже тянул кофе — верно, тот самый, из той же банки — и сразу выключил телевизор, едва Алеш вошел.

— Что там?

— Пикеты, — бесцветно ответил полковник. — Под Збором и администрацией президента. Кричат: все брешете, скоты. И под эту брехню вводите положение.

От недобрых предчувствий свело нутро. «Это просто пикеты, — сказал себе Алеш. — Обычное дело. Их следовало ждать». Он сглотнул. Чувствуя себя идиотом, опустил на стул.

— Кто-то еще думает, что это утка?

— Ну, кто-то точно так думает. Страна у нас маленькая, а дураков в ней много, — полковник с шумом развернулся в кресле. — Что там по Стелику?

Повисла тишина. Алеш заломил под столом пальцы, глядя ровно по центру полосатого галстука.

— Мне казалось, — медленно проговорил он, — это дело забрала Служба безопасности.

— И забрала. И что теперь? Я тоже могу позабирать у тебя дела, так что — ты покиваешь или побежишь жаловаться?

Алеш услышал предупреждение и набрал в грудь воздуха — объясниться — но Вит поднял руку:

— Выкладывай лучше. Не трать мое время.

— Сперва девушка. Они едва начали встречаться. Когда... когда случилась та драка, они уже неделю не виделись, девица решила, что Стелик и не появится. Ничего она про него не знала. Бабуля — если помните, Петер снимал у нее квартиру — говорила, что он тихий, замкнутый. Но я не смог к ней прорваться, только по телефону: там не СБ, а иностранцы.

— А учеба?

— Он перевелся к нам из Марице, в этом году. Правда, на мой запрос... В Марице три университета, и ни в одном о Стелике не слышали. По адресу из паспорта не жилой дом, а портовый склад.

— Х-ха! — Вит шлепнул по столу ладонью. — Я знал, что ты и дальше будешь копать. Знал! Молодец.

— По правде, я не копал, — признался Алеш. — С тех пор, как началось — я только и сделал, что направил запросы. Мотался по вызовам всю неделю.

— Ну, главное ясно, — пластиковая ручка танцевала в толстых пальцах полковника. — У паскуды нет прошлого, все брехня. Из ниоткуда явился и туда же исчез. А теперь срет нам по всему городу.

По всей стране, хотел сказать Алеш — но промолчал. Вся страна — немногим больше Даница с предместьями. Вместо этого он спросил:

— Вы всерьез думаете, что один человек может — это?

— Я думаю, надо выяснить. Вот что я думаю.

— Но им уже заняты СБ и дюжина разведок, — лейтенант осекся.

Полковник громко выругался. Вылез из кресла и начал ходить по кабинету из угла в угол. Со стены мягко улыбались президент и премьер, одному пока что удалось выжить, а другой исчез три дня назад. Вит не счел нужным поменять портрет.

— Ты знаешь, чем заняты в СБ? — полковник наставил на него палец. — Нет? Так я скажу. О чем они думают — это как спасти задницы чинуш и денежных мешков. И свои тоже. Вот ты — ты слышал от них что вменяемое? Уже неделя прошла. Неделя!

Алеш следил за ним, пока тот мерял шагами кабинет. Лукаш Вит. Тяжелый и краснолицый, хорошо за пятьдесят. Это сейчас он в дельничном отделении — а год назад едва не стал главным полицейским города. Он что же, вновь нацелился на высокое кресло?

— Я хочу понять, что происходит у меня в городе, на моем участке, — словно прочитав его мысли, полковник мотнул головой за окно. — Я не могу их ждать, слышишь? Мы должны знать. Сейчас!

Черт, а ведь Вит, даже непробиваемый Вит совсем выдохся, вдруг понял лейтенант. За неделю полковник стал бледнее и старше. Редкие волосы засалились и казались темней обычного, прилипли ко лбу.

— И что вы предлагаете? Теперь немного можно сделать.

— Отвечать на простые вопросы, сынок. Самые простые. Да ты бы сам их задал, будь у тебя время пошевелить мозгами! Всех ли ублюдок карает или, не знаю, есть исключения? — полковник всем весом навалился на спинку кресла и стал загибать пальцы. — Есть ли ограничения, по месту, по времени? Потом надпись: всегда ли верна или, бывает, врет, ошибается? А еще ложный след. Если кто подделает постмортем, достанется ли ему — или проклятию на это плевать?

— Будет ли проклятье меняться? — тихо проговорил Алеш. — А может, оно уже меняется. Перекинется ли через границу?

— Во-о-от. Вот, начал соображать. Наконец-то! — Вит плюхнулся в кресло и снова схватился за ручку. — Давай. Выкладывай, как все сделать.

— Самое простое эксперимент, — лейтенант начал рассуждать. — Скажем, в Кирицкой колонии. Сделаем так. Одного заключенного вывезти в глушь и все подстроить, чтобы он совершил кражу. Еще один пусть подделает след. Еще...

— Так вот пойд и распиши, что для этого надо, — полковник навалился на край стола. — И Стелик, по нему надо землю рыть. Знаю: СБ и иностранцы, все знаю. Но надо. А как иначе мы пойдем, чего ждать?

Все так, да только ничего не выйдет. Алеш чувствовал это так же верно, как то, что полиции в нынешнем виде осталось недолго. Ему опостылело чувствовать себя Кассандрой, ловить знаки на улицах и в выпусках новостей.

Он молча поднялся, готовый исполнять приказ.

Когда лейтенант взялся за ручку, Вит хрустнул пальцами и окликнул его.

— И вот еще. Я знаю, это все опасно. Может, мы первые же и улетим к чертям, оставив надпись на память. Если боишься, сынок, скажи сейчас. Я поищу другого.

Голос полковника, самим богом созданный для ругани и громких приказов, опустился до сиплого шепота. Их взгляды встретились.

— Я полицейский, — просто ответил Алеш.

Сразу и Виту, и недобрым мыслям.

«В данный момент абонент не может ответить на ваш звонок. The subscriber...» А, чтоб тебя! Алеш с отвращением отбросил трубку на диван. Краем глаза заметил, что в полутемном зале ток-шоу слово взял патер.

Заинтригованный, полицейский отыскал пульт и включил звук.

— ...и, строго говоря, не знаем, о Боге речь или об Антихристе. Да вы и сами вспомните: как часто в истории одно на поверку оказывалось другим? — Подтянутый молодой священник усмехнулся. Его определенно выбрали за внешность, чтобы смотрелся в кадре, но говорил он спокойно, взвешенно. — У Церкви нет специального прибора, которым мы все измеряем, что от Бога, а что от Дьявола. Мы не можем сказать. Единственный прибор — это вера и учение Господа нашего, Иисуса Христа.

— Архиепископ Клемент Даницкий, — повысил голос оппозиционный сенатор, — вы за его дворцы скажите, а не за веру и учение!

Священник молча дождался окончания тирады.

— Да, Церкви тоже коснулись события, — легко признал патер.

Он хотел сказать что-то еще, когда его прервал выкрик из зала. Девушка с микрофоном поспешила на последний ряд массовки.

— ...и вас учили успокаивать и исповедовать, — уже в микрофон заговорила средних лет женщина. — Просто скажите, что нам делать! Чего ждать. У Церкви должно быть официальное мнение. Должно быть хоть что-то!

На экране вновь возникло лицо патера. Он долго молчал, в свете софитов было видно, как на лбу у него пролегли морщины. Алеш думал, тот уже и не ответит — когда священник заговорил:

— Я служу в своем приходе семь лет, за годы ко мне приходили самые разные люди. Бывали случаи... да, бывало, что я сидел и думал, не знал, что ответить. Что будет *правильным* ответить. Знаете, что я говорю в такие минуты?

Патер молчал секунду-другую.

— В свете последних событий это прозвучит жестоко. Но в самых тяжелых случаях, когда все слова пусты, я говорю простую вещь. Нас всех ждет расплата. Свое воздаяние и для виновных, и для невинных, богатых и бедных. Одна участь. Господь заберет всех. Я не знаю, что будет дальше. Не знаю, какими будут город и мир через полгода. Но всех ждет одна участь. И есть лишь одна сила, которая помогает вынести невзгоды — это вера.

— Ну сколько можно? Вы ушли от ответа об архиепископе! — сенатор Гудак поднял голос, и Алеш поскорей выключил звук.

Снова взялся за телефон. «В данный момент абонент не может...» Лейтенант скривился и полез в шкаф, за пачкой сигарет, которую спрятал на черный день. Чертовски много он за сегодня выкурил. Но куда они оба запропастились? Ведь не могло...

Господи, неужели и они туда же?

Всего девять вечера, а город уже опустел. Только в домах по ту сторону улицы горят все окна. «Всех ждет расплата», — подумал Алеш и щелкнул зажигалкой. Всех значит всех — но жалость брала только за город. За тесный и пыльный Даниц со старыми домами, словно утрамбованными один к другому. За его людей, простых, крикливых, за попивающих мужиков и женщин средних лет — как та, на ток-шоу. Всех, кто теснится в квартирах, магазинах, на остановках и в трамваях.

К черту Повицей. А людей жалко.

Обычно он курил, глядя на снующие машины и пешеходов. В их суете, в спроектированной безумцем транспортной развязке ему порой мнилось едва не вековая судьба всей страны — хаос, трясина, постоянная пробка, в которой все равны: и черные джипы, и развалюхи, и потертые трамваи. И, конечно, полоумные пешеходы. Не сегодня, нет, но прежде даничане любили выскакивать на дорогу и махать руками, ловя попутку в пригород. Попутка — это ведь самое важное в жизни! С правильной попуткой становятся сенатором, министром, а то и чьей-нибудь любовницей.

От веселенькой мелодии Алеш вздрогнул.

— Ты звонил, — устало проговорила Данка. — Семь раз, между прочим.

— Да, черт возьми, семь раз! Уже почти ночь. Весь город вымер, одни вы... Где вы таскаетесь?

— Мы, кажется, развелись. Я не обязана... — она вздохнула. — Были по делам в центре. Поздно вернулись. Ну, что тебе?

Все заготовленные слова — разговор, который он выстроил и отрепетировал — куда-то делись. Алеш сглотнул.

— Я звонил... Короче говоря, ты должна увезти Мирку. Пока еще ходят автобусы, пока все работает. Куда-нибудь в глушь, я не знаю, в деревню. А лучше вообще подальше от людей.

Трубка тихонько шипела.

— Ты слышишь меня?

— Да. Это у вас в полиции так говорят?

— Это я говорю. Ну подумай сама!

Не лучший довод для разговора с бывшей.

— Ты ведь всегда была умнее меня, — исправился он. — Просто оглянись, что происходит. Верхушка всегда замазана. Сперва они исчезнут, все чиновники сверху донизу. А потом дальше, дальше. Горелые появляются каждый день. Потом подтянется инфраструктура. Все просто начнет разваливаться. Нет, убивать на улицах не будут, проклятие за это карает, но все посыплется. Банки. Почта. Отопление. Кто знал, как всем этим управлять, превратится в пепел, понимаешь? Сколько костей можно выдернуть, чтобы доминошный домик рухнул?

Данка молчала. Алеш не был уверен, слушает она его или просто отложила телефон.

— Ты еще здесь?

— Здесь, — тихий усталый голос.

— Потом начнутся волнения. Нет, за жизнь Мирки не бойся: опять же, проклятье позаботится. Но все будет. И попытки погромов, и толпы на площадях — все. В итоге станет только хуже. Хаос — на полгода, год, два. Ты понимаешь, что Мира нужно увезти?

Данка вдруг хихикнула. Совсем как девушка, которую он когда-то знал.

— А ты у нас самый умный! Как думаешь, где мы весь день были? От одной кассы к другой. Поезда все раскупили на неделю, автобусы забиты. А самолеты пока не летают в деревню.

— Куда ты решила? — спросил полицейский.

— Домик в коттеджном поселке, на краю Свигорского заповедника. Теперь буду переносить бронь.

— Не годится, — отрезал Алеш. — Нужно уезжать еще дальше. Где вовсе нет людей.

— Ну так устрой все сам! Тоже мне, нашелся! Ты так говоришь, будто это просто.

— Я поспрашиваю в отделении, прямо завтра. Хочешь, возьму на пару дней отпуск?

— Можно подумать, тебе дадут! Какого черта, да бери, что хочешь.

Данка устала и оттого злилась. Еще минуты три — а может, пять — лейтенант тянул разговор. Надеялся, что она даст трубку сыну. Не догадалась. А он не стал спрашивать. Уснул он, даже не поужинав. И всю ночь бежал от тьмы, прижимая к груди Мирку.

Но в конце концов в руках его остался пепел.

Звонок разбудил его незадолго до рассвета. Через четыре минуты Алеш, взлохмаченный, но уже одетый — сбегал по лестнице вниз. Через семь — они с Ришо мчали опустевшими улицами ночного города. Молчали. От Алеша не укрылось, что напарник хоть и напустил решительный вид — но то и дело бросает взгляд на товарища.

Ну да, ну да. Одно дело красоваться перед девицами, случайно показывая кобуру под пиджаком — а это совсем другое. С таким он точно не сталкивался.

На стоянке под шипастой высоткой уже стояла полицейская машина. «Да. Хорошо. Кингстауэр, Ковача шестьдесят пять, всем патрулям... Через три минуты», — трещала изнутри рация. Щекастый сержант бежал к ним через всю стоянку.

— Вызов от службы охраны! — выдохнул он. — Мы были ближе всего. Вам на служебный лифт, он до техэтажа.

Спешить нет смысла, убеждал себя Алеш. Уже нет. Прошло полчаса, если ничего не случилось — то не случится и впредь. И все же он клял на все корки медленный, мягкий ход кабины. Чертовы богатеи!

— Сюда! — рывкнул сопровождавший охранник. Лейтенант послушно загрохотал по железным ступеням, что отделяли техэтаж от крыши.

Рассвет едва коснулся неба на востоке. Верхушки небоскребов здесь, в центре города, посерели в сумерках — но в остальном Даниц еще тонул во мраке. Алеш бросился через площадку крыши, к темной фигуре на фоне розовой полосы.

— Заткнись! — крикнула в пустоту Марта Повиц. А затем обернулась к следователю и сказала: — Я не могу это сделать. Я просто... Думала, я...

— Ну-ну. Разве вы этого хотите?

Дерьмо! Не один, а два силуэта: Марта прижала к себе девочку. Даже не сразу заметишь.

А потом они все заговорили разом:

— Мама!

— Марта, что это исправит?

— Я просто... Господи, это же вы. Вы!

Лейтенант шагнул чуть ближе. На шипах короны установили прожекторы, по замыслу они должны были освещать высотку на зависть простым смертным. В их свете Марта казалась похожей на колдунью, средневековую ведьму — на прелестном, безупречно гладком лице глаза сияли.

— Я думала, копы шлют мямлей-психологов, — произнесла жена банкира.

— Психолог будет через три минуты.

— Тогда, — она прочистила горло, — у нас еще есть время.

— Конечно. Конечно, есть. Что вы... — Алеш шагнул еще ближе, но Марта крикнула:

— Не подходи! Не смей!

Она уселась на парапер, прижимая одной рукой дочь. Одно движение — и нырнет вперед спиной, вниз, в мир людей, обманутых, погубленных, погубивших самих себя.

Курлыкали проснувшиеся голуби. На щеке лейтенанта задергался мускул.

— Это психологу я могла наврать с три короба, — криво усмехнулась Марта. Алеш машинально кивнул, не поняв, с чем соглашается. — Но вы все слышали. Оба. Про девок, про малолеток, про... «жестокое насилие». Да все! Почти все.

Рот лейтенанта заполнился горькой слюной. Он что же, выходит, только все испортил? Психологу она бы сдалась? Дерьмо! И все, чему его учили для таких случаев, куда-то делось.

— У вас есть дочь.

Встающее солнце подсветило ее растрепанные волосы.

— У вас есть дочь, — передразнила жена банкира. Слова падали, как камни. — Скоро она узнает, кем был отец. — Марта протянула руку, словно для поцелуя, и бросила: — Ну помоги же, что стоишь? Если я уйду, то сделаю это тихо, и так довольно балагана.

Тогда-то все и случилось.

Алеш, затаив дыхание, сделал шаг — а жена банкира скрючилась, точно от удара в живот. Потом была вспышка, ленивая, медленная, жаркая, как летний полдень, и он невольно зажмурился. Когда ведущая на крышу дверь скрипнула, все уже кончилось.

Кроме ненависти.

Жгучей и оттого нелепой ненависти смертного — к ублюдку, который взялся карать за грехи.

Похоже, Ришо опомнился первым. Метнулся к Бранке, обнял, зашептал бессмыслицу: что все станет хорошо, что плохо просто не может быть, а плакать-то зачем — «Вот я же не плачу, да? А знаешь, как хочется!» — такие славные девочки держатся, и сейчас будет тепло, дай-ка ручки, иди сюда...

На крыше вдруг стало очень много людей. Охрана, патрульные, чертов психолог в криво заправленной рубашке.

— «Убийство», — шепнул Ришо, передав ребенка с рук на руки.

Алеш вздрогнул. Он позволил увести себя, а после парень за локоть завел его в лифт. Лейтенант все еще стоял там, на серой площадке — даже когда они уже скользили вниз.

— ...может оно и к лучшему, а? Куда девчонке такую мать? Зар-раза! Бог свидетель, баба совсем с ума тронулась!

В замкнутом пространстве напарник бубнил над ухом. Алеш давно перестал его слушать. Вскинулся лишь, услышав: «Может, оно так даже... по-доброму, что ли?»

— По-доброму? — он грязно выругался. — Что угодно, но не доброта! Ему плевать, понимаешь?

— Кому? Ну? Ну что теперь?

— Плевать на последствия! Он — он, вкурваш, вершит правосудие! — лейтенант разразился новым потоком брани.

Дверцы лифта давно раскрылись, а он даже не сразу заметил. Увезти, увезти Мира — если надо, бросить все, сбежать, что угодно — только бы вывезти его из Ада! Повезло Ришо: парню не за кого бояться, кроме как за себя.

Гранитное крыльцо сияло попеременно синим и красным, в цвет полицейских мигалок.

— Господи, ей же едва лет пять. А Мирке шесть.

Таким тоном говорят о смертельной болезни. Сигарет в бардачке не оказалось, все давно кончилось. Впервые в жизни, впервые даже за время проклятия, Алеш подумал, что и сам он, должно быть, тоже...

Кончился.

Дело о лживом культе

— Главное, не вытопчи мне все, — криминалист поднял голову только когда перед ним вытянулась тень Алеша. — Тут у меня следы, так что давай осторожно.

Февральский снег сменился мартовскими ливнями. Город утопал в грязи, в обрывках газет, ветер носил по улицам полиэтиленовые пакеты. Следов были дюжины. Сотни. Но Здену лучше знать: видать, нашел что-то важное.

Алеш по широкой дуге обогнул красные стойки-метки. Постмортем ровно такой, как и говорил Вит: бегущий человек и надпись — «Уныние». Если б не странный след, не надпись, они бы вовсе не приезжали, одного Здена хватит все осмотреть и описать. Но после исчезновения старого президента умные во власть не идут, слишком уж сложно выжить, а у нынешнего пройдохи одна мания: кодекс, за что последует кара, а за что нет.

«Уныние» в нем точно потянет на новую главу.

— Так что иди и разберись, — сказал полковник, выпроваживая их в город. — И чтобы к вечеру ответы были вот тут, на этом самом столе!

Какой смысл разглядывать надпись? Все они одинаковы, Алеш видел их сотни. Полицейский фотограф давно сделал снимки, следовательно просто постоял у стены, для приличия — и двинулся обратно.

— Так что здесь произошло?

— Погоня или что-то похожее, — криминалист поднялся, оглядев хозяйским взглядом улицу. — Не скажу, за кем гнались, человек не спешил. Обычно шел, его след не выделишь. А след бегущего человека есть. И обрывается точно у горелого.

— Мужчина, женщина? — Алеш тщетно разглядывал грязь под ногами, но так ничего и не увидел.

— Женщина. Ботиночки с каблуком, тридцать восьмой размер. Я бы сказал, даже девушка, уж больно каблук не по погоде, но всякое бывает.

— Что еще?

— Бежала вон оттуда, — криминалист указал на угол Университетской и Театрального, — а до того стояла, перетаптывалась. Много натоптала. Как будто ждала кого-то.

Все трое, включая Ришо, уставились на перекресток, словно бутик с закрытыми фанерой окнами мог дать подсказку. Согбенный дедок оглянулся по сторонам и засеменял через дорогу на красный — а ведь прежде здесь было оживленное движение!

— След как обычно, ничего нового, — вздохнул Зден. — Я бы сказал, часов пять утра. Очень предварительно! После анализа скажу точнее.

— Ладно, — Алеш скривился. — Ты вот ответь: она за кем-то гналась, нагнала и — что? Совершила уныние?

— А это по твоей части, Ал, — криминалист хмыкнул. — Пойми меня правильно, я вижу только след. Ты можешь по нему что-то сказать?

Алеш молчал. Ветер шевелил неубранную еще с декабря, замершую и оттаявшую, втопанную в грязь листву.

— Увидела, погналась, — утвердительно закончил лейтенант, — и, положим, напала. Но зачем? Как будто полгода лежала в анабиозе. Все знают, чем кончится грабёж или насилие.

— Если она напала, — вставил Ришо.

Здесь на углу всегда стоял киоск «Табак». Не киоск даже — кирпичный уличный магазинчик. Сперва здесь, как положено, торговали сигаретами, потом сигаретами, пивом и бургерами — студентом Алеш покупал их, когда еще пил вино на скамейках — а потом, кажется, здесь торговали всем: от журналов до свежеспеченного хлеба. Магазинчик всегда обретался на перекрестке — словно собрался стоять здесь вечно.

Дедок в куцем пальто добрался до полуразобранной стены и теперь собирал кирпичи в сумку. Такие не сдаются, даже когда молодежь вся уехала. Да и куда им сдаваться, кому? Власть сменится, проклятия приходят и уходят, а жить-то надо. За городом у него, верно, фермерский домишко, а кирпичи пойдут на бортик вокруг клумбы, соседям на зависть.

— ...собираешься что? — спрашивал Ришо.

Лейтенант пожегил на пронизывающем до костей ветру.

— Найди девушку. Звони в участок, пусть дергают ТВ, радио, да что угодно. Но жертва должна объявиться и рассказать о девушке. Нельзя не заметить, что на тебя напали! И еще одно. Обзвони все кампусы и университеты. Кто-то не вышел сегодня на занятия, а пропал еще с вечера, всю ночь ее не было дома.

— Мало ли, кто где не ночевал.

— Тогда составь список, — оборвал напарника Алеш, — и отсей лишних. Тебя для учебы приставили или просто так, попридусловать?

— А если она не из кампуса? С родителями живет?

— Тогда у нас уже лежит заявление о пропавшей дочери. Проверь и это тоже.

Ришо не то хмыкнул, не то фыркнул, но все же поплелся к машине.

Зден спросил:

— Не рано давать поручения? Все это предварительные выводы. Мои гипотезы.

— А точные ты дашь через день-два, — сухо ответил Алеш. — Извини, у меня нет столько времени. Пусть попотеет, ему полезно.

Криминалист пожал плечами, отвернулся. Крикнул:

— Все, парни, собираемся! На сегодня закончили.

Мартовские небеса окончательно заволокло грязным рубищем, холодный дождь закапал сперва на голову, потом холодным душем в лицо, за воротник, повсюду.

Когда лейтенант поплелся к машине, чувствовал он себя едва ли веселей напарника.

«Он повзрослеет, а я и не увижу», — думал Алеш, разглядывая мокрые тополя на Гавра Лубвы. Сегодня Мир наконец-то уедет из города.

Вот ведь как. Явись к полицейскому сам Петер Стелик, всевидящий и всезнающий, и спроси: «Так что, готов лишиться сына детства? Ты окончательно решил?» — Алеш бы честно задумался.

Да, Мирке придется бросить школу. Вместо образования выйдет хозяйство, а вместо игр — работа по дому и во дворе. Детство сына и вправду кончится, но ведь детство — это что? Дикари в школе, контрольные, олимпиады, домашние задания и подзатыльники. На смену его собственному детству слишком быстро пришли ипотека за квартиру (которую он оставил Дане), переезды, долги, счета, смеситель в ванной вот поломался, а еще... еще — дразги, начальники почти все пошли младше тебя, а родичи наоборот старше с каждым годом, а это врачи, лекарства и конечно справки.

А Петер Стелик бледный и болезненный — все оттого, что всемогущий — он бы просто смотрел и ждал. Свят, свят Господь Саваоф, ответил бы ему Алеш, полнятся земля и небо Твоею славой. Только не подзатыльники и олимпиады. Ипотека, ремонт и долг — пусть. Только не олимпиады! Да, я решил. Пацану даже повезло.

Совсем скоро Мир тоже повзрослеет, и Алеш станет думать: «Ну хоть он. Уж он-то точно! Вон какой крутой, и вырос красавцем». С сыном можно будет *беседовать*, а не рассказывать. И надуваться от гордости — куда без этого?

Да только он, Алеш, ничего этого не увидит.

Хотя бы потому, что разрядка с самого верха пришла с утра, полковник никому ее не показывал и на добрый час заперся у себя. Лейтенант догадывался, что написано на министерском бланке. Они же сами с Витом по глупости и состряпали этот план.

Проклиная полковника, министерство и себя самого, Алеш оттолкнулся от подоконника. Тяни не тяни, а идти нужно. Оттого, что он явится последним — планерка не сорвется, а министерская бумага никуда не денется.

Он снял со спинки стула пиджак и едва не натянул его наизнанку.

За окном моросило уже добрый час. Несмотря на полдень, в кабинете полковника горел свет. Перед большим письменным столом расселся весь отдел: и выпивающий Чапкович, и престарелый Корнел Полак, и давно потерявший ко всему интерес Лаврык.

— Алеш Барда, — заворчал полковник, — самый занятый сотрудник отделения.

Послышались смешки.

— Что там, Ал? Еще одна студентка? — хохотнул Чапкович.

— Ну ладно, хватит, парни. Хватит! — Вит указал на часы над дверью. — Давайте в темпе, мне сегодня в мэрию. В общем, вы уже слышали про ценные указания из министерства.

Он начал перекидывать бумаги, словно ища письмо. Алеш хорошо видел черно-золотую эмблему: на самом верху большой стопки, у стены.

— В общем, мы это придумали с Алешем, с нашим Алешем, — полковник бросил на него взгляд, будто ища поддержки. — Просто размышляли, по глупости. А потом изложили на бумаге. Прошла неделя, как все началось, мы еще ничего не понимали, ну и задумали кое-какой эксперимент. Хотели знать, как действует чертова сила. Хотели взять заключенных из Кирицкой колонии.

Лейтенант сжал зубы. Будь он проклят, если коллеги хоть что-то поняли — но все взгляды тут же устремились к нему, как полковник ни пытался разделить ответственность.

— Мы копали по двум направлениям, — между тем, продолжал Вит. — Петер Стелик, это раз. Нужно было о нем все выяснить. И второе: Алеш состряпал план эксперимента. Ну, чтоб узнать о силе больше. Я не такой старый пень, как вы думаете, я сразу понял, что это опасно. Мы сделали план и просто послали наверх. А тем временем взялись за то, что попроще, за Стелика.

— Милос, — произнес кто-то у самых дверей.

Тяжелое лицо Вита окаменело. На лбу, над двумя морщинами, выступил пот.

— Да, парни. Наш розовощекий новичок отправился в Марице, копать на ублюдка. По приезде с утра еще вышел на связь, а потом исчез. Был в Марице один вердикт, «Любопытство». Мы бросили все эксперименты. Все бросили. Пьющие, лодыри и те, кто думает, что ему здесь не место — вы все мои парни. Мои! Я никого и никогда не подставлю. И теперь вот этот чертов приказ.

Он утер со лба пот.

— Что там, полковник? — подал голос Ришо. — Вы не держите нас за дурней. Пока что вы ничего не сказали.

— Там наш с Алешем план, — проворчал Вит. — Мы составили его не от большого ума, и потом я больше месяца отбрыкивался. Эксперимент на заключенных, убийцах и насильниках, чтобы понять пределы силы. Вот чего там хотят наверху.

В комнате быстро поднялся гвалт. Говорили все: и пьющие, и лодыри, и те, кто думает, что ему здесь не место — у каждого нашлось свое мнение.

— Тихо! — Вит пару раз треснул по столу, пока все не унялись. — В приказе сказано вот что, — он наконец-то взял бумагу и вперил в нее взгляд, словно ожидая знака. — Взять заключенного и прямо в робе вывезти за город, в Енашов или еще дальше, в Бальцерец, на усмотрение. Дальше выпустить и продолжить наблюдение: на машине, а также пешее. В течение дня — а я скажу, часа — он совершит кражу, потому что в робе по нашей погодке не больно-то походишь. Затем подделка следа, прямое давление к совершению преступления и прочее, всего тридцать семь пунктов на пять страниц.

Полковник встал, навис над ними, предупреждая возражения.

— Мы можем похоронить приказ среди бумаг? — первым подал голос Лаврык.

— Да! Потерять его!

— Точно!

— Кто знает, может, завтра будет новый министр?

— А что я, по-вашему, делал последний месяц? — Вит обвел всех взглядом с таким выражением, будто хотел больше никогда их не видеть. — Именно это, парни. Вы слышали, что хочет президент? Кодекс он хочет. По лестнице спустилось и к нам тоже. Все. Край. Играть уже не получится.

— А если мы напишем рапорты? — выкрикнул Чапкович.

— Пиши, — полковник оперся кулаками на стол. — Ты полицейский, ты знал, куда идешь. Но пиши. Я возьму рапорт и слова не скажу.

Желающих уйти не нашлось.

Интересно, что Вит намерен делать? Бросить жребий, предложить обман? Своей властью решить, кому подставлять шею? Полковник долго молчал, под хорошо знакомым льдисто-серым взглядом слова застревали в глотках — но долго так продолжаться не будет.

В глазах Вита как раз заплясали нехорошие искры, инстинкт подсказывал Алешу: сейчас начнется — когда послышался неуверенный голос:

— Ну, я могу...

Сержант Гужар набрался храбрости и повторил:

— Да, я могу! Я готов вызваться.

Полковник, еще секунду назад занимавший полкабинета, вдруг съежился, сдулся, стал простым мужиком средних лет. Он снова сел и сложил на столе руки, как в молитве. Воцарилась долгая, совершенно невыносимая тишина.

— Так что? Вы ведь этого хотели? — прервал молчание сержант.

— Чего я хочу, сынок, тебе знать не положено. Да. А я хотел сказать вот что: это опасно, действительно опасно. Но не факт, что смертельно.

Снова заговорили все разом. Заметив, что Вит в бешенстве сжал зубы, лейтенант громко напомнил о себе:

— План придумал я! Так что поясню слова полковника: мы до сих пор не видели, чтобы кто-то пострадал за намерения. Люди исчезают только в момент преступления. Профилактически, — Алеш усмехнулся, — проклятие не действует, сами вспомните все известные случаи.

— Да, черт возьми! — снова заговорил Вит. — Да, это опасно. Но я честно предупредил, с самого начала. Сегодня вам повезло, парни, вызвался доброволец. Но скажу еще раз: я никого не держу. Тем более в наше безумное время. Если хоть раз будет так же — пишите рапорты. И без вас все катится в полную срань.

Он смерил отдел взглядом и бросил:

— Свободны. Барда, Гужар — останьтесь.

Алеш молча ждал, пока все покинут кабинет, пока Вит надиктовывал сержанту указания. Парень стоял навытяжку, твердо глядя поверх седой макушки начальства. Когда и Гужар ушел, полковник обернулся к лейтенанту. Ослабил воротник, поведя толстой шеей.

— Ну, что скажешь?

— То же, что и вы, — Алеш пожал плечами. — Сегодня пронесло.

— Нет. Почему он вдруг вписался, когда все струсили?

— Совесть? Энтузиазм? — предположил лейтенант. — Кажется, Гужара перевели к нам за отличную службу.

— Патрульную службу, — Вит фыркнул. — Хорошо бы, если дело в совести. Чертовски хочу в это верить!

— Мы все когда-то начинали в патруле. Даже вы.

Алешу показалось, сейчас полковник накричит на него — но тот, видно, передумал. Закрыв глаза, Вит буркнул:

— Важно, не где мы начали, а в какой дыре закончим.

Он так и сидел с закрытыми глазами, пока лейтенант не сообразил: это сигнал, что и ему пора заняться делом.

И все-таки — до чего же быстро опустел Даниц! Прошло едва несколько месяцев. Городские власти и сейчас время от времени издавали бравурные сводки: и продажи продуктов, и нормы по вывозу мусора — все говорит, что в городе семьдесят три процента жителей. Черт знает, как там с мусором. На глаз казалось, что людей на улицах вдвое меньше.

Ришо клятвенно уверял, что это только в центре так:

— Ты же у нас динозавр! Я имею в виду, ископаемое, — напарник хмыкнул и вывернул руль на повороте. — Из старых семей, получил в наследство жилье, и туда же! А, если не в курсе, то в Ворошской дельнице живут богачи. Они все сразу побежали, еще в первую неделю.

— В старом центре службы и головные офисы. Сюда стекаются со всех окраин.

— Нет, ты съезди в Будынскую дельницу! Или в Текстильный ряд. Ну же, подними задницу! Увидишь, сколько людей на рынках и остановках.

— И на вокзалах, — Алеш отвернулся.

— Да ну тебя!

Лейтенант отчасти все же верил ему. Ну что решишь первым делом, когда такое творится? Сбежать. Спрятаться. Как можно дальше в глушь, подальше от других людей. Да только эта

мысль пришла в голову миллионам, и первыми заперлись в загородных виллах богатеи. Соседи давно перекрыли границы. Негде спрятаться, когда бегут все. Некуда бежать. По всей стране одно и то же.

Пожалуй, что и для Мира слишком поздно. Но попробовать стоит.

Низкое белое солнце сперва клонилось к закату, но вскоре запуталось среди голых ветвей. Люксембургская превратилась в речное русло с грязными, усыпанными листвой берегами. По хлюпающим кочкам, по шуршащим листьям они добрались до череды двухэтажных кирпичных домов. Сто лет назад здесь селили рабочих, потом сделали общежития, а после кто-то выкупил крошащиеся здания, покрасил оранжевым, поставил новые окна и тут же начал сдавать жильё.

— До кампуса рукой подать, — Алеш оглянулся через плечо. — Говоришь, эта Ягорлыцкая в Национальном училась?

— Ну да. А он ей вроде парня, — Ришо спрятал лицо за воротник и говорил невнятно. — Но это не он поселился ближе. Это его мать снимает квартиру.

— И смотри, тот перекресток совсем рядом.

— Да, ей от кампуса два шага пройти! Даже странно, где шлялась до пяти утра.

— Вот и узнаем, не здесь ли, — Алеш первым вступил в тихий, пахнущий кошками подъезд.

В квартире тоже пахло кошками. А еще спиртным. Сперва лейтенант решил, что разит от парня, который открыл дверь — но нет: запах впитался в обои, в стены, в потертый коврик на полу.

— Мартен Крайчик? — грозно рявкнул Ришо. — Полиция!

— А, вы насчет матери...

Студент близоруко сощурился. Он отступил в тень прихожей, пропуская их внутрь. В соседней комнате блеклый свет сочился сквозь занавески в цветочек — но в коридоре царил почти полный мрак.

— Насчет девицы твоей, Ягорлыцкой! — не сбавлял тон Ришо.

— Сюда. Проходите. То есть как это... Как насчет Элишки?

— Так, что она провела здесь ночь. И не юли, мы уже все выяснили!

Знает же, говнюк, как давить на людей! Чему хорошему не научился, а этому — легко.

Но парень и не спорил. Прошел в комнату и упал в выдавшее виды кресло, забыв предложить им сесть. В углу лейтенант заметил смятую постель: Мартен явно жил прямо здесь, в гостиной, и точно не ждал гостей.

— Полегче, — Алеш коснулся плеча напарника. — Что с вашей матерью?

— Она... она умерла.

Судя по выражению лица, студент спорил с самим собой: не то послать их к чертям, не то провалиться от стыда под землю.

— Когда это произошло?

— Часов пять утра, я только закрыл дверь за Элишкой. Мама еще не спала, крикнула так, хрипло, что ли, — парень и прежде был серым, а стал вовсе бледным, как смерть. — Сказала, когда я вошел: «Сын, принеси еще», а чего, не закончила. Выдохнула и все. Я даже не сразу понял.

— Алкоголь? — тихо спросил Алеш.

— Да, пила всю ночь и хотела добавки. Водка, портвейн, черт знает, где брала. Вот как отец... лет семь уже. С тех пор все покатилося.

— Вы сообщили, куда нужно?

— Скорая забрала ее с утра. Я думал, вы насчет нее. Но как же, что с Элишкой?

Алеш не успел одернуть напарника.

— Напала с ножом на женщину, — выпалил тот. — В пять утра, на углу Университетской и Театрального. Ты понимаешь, что с ней стало?

Студент поднял взгляд на лейтенанта, почти умоляюще — не поправит ли тот напарника — но Алешу нечего было сказать. Хорошо, что в комнате полутемно. Не хватало, чтобы свидетель видел румянец у него на щеках. На кухне засвистел забытый чайник, и Мартен разволновался, хрустнул пальцами.

— Идите. Выключите, — сухо сказал Алеш.

Парень, видно, завис там над плитой. В тишине квартиры Ришо сделал страшные глаза — но лейтенант отмахнулся от него.

— Что теперь будет? — Мартен, наконец, появился в дверях, словно призрак. — Элишка... Она же теперь преступница, верно?

Алеш оттеснил напарника вглубь комнаты.

— Успокойтесь! Во-первых, мы вас ни в чем не обвиняем, просто выясняем обстоятельства. А во-вторых, полиция уже никого не ловит, проклятье неплохо справляется само. Мы теперь, — он замаялся, — больше пытаемся предотвратить, понять, что можно делать, а что нельзя. Остановить еще до исчезновения.

Алеш сообразил, что говорит в воздух, студент его не слушал.

— Что вы хотите знать? — медленно и раздельно проговорил Мартен.

— Почему она напала на прохожую? Что там произошло? Женщина — вахтерша в Обществе Памяти, она просто шла на работу. Вы что-нибудь о ней знаете?

Студент опустил глаза, честно подумал и сказал:

— Нет. Ничего не знаю.

— Были у Элишки неприятности? Что-то ее тревожило в последнее время?

— Были. По правде, одна из ее проблем... это я.

Даже с Ришо слетел угрожающий образ, он глупо повторил:

— Ты?

— Ну да, я. Ох... Это запутанная история.

— Мы привыкли к запутанным историям, — произнес лейтенант.

Парень что-то пробурчал, склонив голову. Он смотрел в пол между серыми тапками у себя на ногах и долго-долго размышлял.

— У нее были... проблемы с родителями, — наконец, начал он. — Они у Элишки не католики, а православные. Из таких, знаете, почти фанатики. Никакого Нового года, праздников. Только предрождественский пост и скорбь. У них все наоборот, знаете? Рождество после Нового года, смеяться в пост и то грех. Когда она пошла учиться, я был... я открывал для нее новый мир. Она нуждалась в близком человеке. Слишком. Хотела слишком много, чего я... не мог. Все это тянулось, обиды, извинения, уже полтора года. Мы опять поссорились. Она ушла и хлопнула дверью.

Какая-то дикая, запутанная фантазмагория — а Ришо, кажется, все понял. Наверное, и лейтенант понял бы, будь он хоть лет на пять моложе.

— То есть она таким способом, — Ришо запнулся, — могла покончить с собой?

Недоговариваешь, парень. Что-то ты нам недоговариваешь! Алеш никак не мог отделаться от нехорошего чувства, но поймать за хвост мысль не получалось.

— Нет. Не знаю. А если... — Мартен как будто через силу проталкивал слова сквозь глотку, — если это я виноват? Если и правда?

— Гм. Ну, по всем законам, да даже по правилам проклятия, — у Ришо, кажется, проснулось сочувствие, — даже оно за такое не карает.

Мартен продолжал смотреть под ноги, и его молчание нравилось лейтенанту все меньше.

— Были у нее друзья? — резко спросил он. — Близкие?

— Каких-то особых друзей — нет, пожалуй, нет. Лучше всего ее знает одна девушка, они соседки. В кампусе. Кристина. Пташнык, кажется.

Скрипи не скрипи зубами, а если мысль не ловится, можно биться хоть до посинения. Алеш задал еще несколько вопросов и сдался.

В комнате стало совсем темно. Лейтенант задумался — и вздрогнул от кошачьего мявка, точно очнувшись ото сна. Сколько они простояли так, молча, в темноте? Какая разница? Если

бы насовсем остаться в этой тьме, если б ничего не знать, не видеть того, что случится уже в ближайшие месяцы.

— Моя визитка, — он протянул карточку почти невидимому в полумраке Мартену. — Звоните, если что-то вспомните.

На улице было посветлее, но из-за нескончаемой мороси магазинчики рано включили подсветку.

— Зар-раза! Да что ж такое? И эти тоже!

Алеш вперед напарника полез на свое место через водительское сидение — не огибать же машину в грязном потоке — и потому не мог проследить за взглядом Ришо.

— Что там?

— Еще один продуктовый. Нет, ты видишь? Это же было турагентство!

Алеш наконец-то понял. На первом этаже старого двухэтажного особняка мутно светилась надпись «Бакалейная» — а перед крыльцом еще высился бронзовый глобус. Дождь скапливался на нем, стекал струями, пенился в забившихся стоках.

— ...езде, — говорил тем временем Ришо. — Где раньше продавали джинсы, шубы, гироскутеры, везде или заколочено, или супермаркеты!

— А ты чего ждал?

Напарник повернулся к Алешу, всплеснул руками, как театральный герой:

— Но почему продукты?

Почему бы не продукты, хотел сказать лейтенант. Но тут Ришо сглотнул, он сидел на месте водителя, сгорбившись, точно «Бакалейная» причинила ему почти физическую боль.

— Все разваливается, — коротко буркнул Алеш. — Я говорил, что так будет. Все сыплется, и экономика тоже. У людей нет денег, а продукты — это самое простое. Их всегда покупают.

— Да у тебя всегда все разваливается! — Ришо отвернулся с почти детской обидой. Он сказал бы еще сотню слов, но тут лейтенант схватил его за локоть:

— Смотри!

Тяжелая дверь бесшумно хлопнула, с крыльца спустился Мартен Крайчик и сразу выставил перед собой зонт. Тот все никак не желал раскрываться, сколько ни тряс его студент.

— Думаешь, это подозрительно? Пошел к сообщникам? — зачем-то шепотом спросил Ришо.

— Не знаю.

Парень наконец-то одолел зонт. Подняв воротник короткой курточки, Мартен побрел в надвигающиеся сумерки.

— Непохоже, чтоб он спешил, — заметил Ришо.

— Непохоже. Похож на человека, которому нужно развеяться.

— Проследим?

Алеш бросил взгляд на часы.

— У нас еще кампус, и я сегодня провожаю Мирку.

Понимая, что товарищ колеблется, Ришо выдохнул:

— Он не выглядит как преступник. Да и куда ему!..

Не как преступник. Как человек, которому есть, что скрывать.

А до автобуса Мирки четыре часа.

Студент почти скрылся за завесой водяной пыли. Поморгав, включились уличные фонари — через два на третий — так что еще пару вдохов Алеш мог наблюдать удаляющийся силуэт.

Наверное, он бы так и раздумывал, но Ришо принял решение за него. Заведя старенькую «Атрию», он закрутил баранку и развернулся на пустынной улице.

Алеш зажмурился.

— Только не говори, что никому не платил за права!

— Ой, да пошел ты! Если и есть во всем что хорошее, — Ришо вдавил педаль газа и в фонтане грязных брызг устремился вниз с холма, — так это свобода, черт возьми! Виват, анархия! К черту двойную, все равно следить некому!

— ДТП, — начал Алеш и хотел закончить: единственное, за что проклятье не карает, оно не по умыслу, и это единственное, за что еще судят.

Но Ришо уже притормозил на перекрестке, а потом сбавил скорость до черепашьей, чтобы не пропустить в сырой мгле нужный корпус.

— В первом математики, филологи... Второй. Ага, вот тут биологи. Господи, кому сейчас нужны биологи?

А кому математики? Они остановились перед угловатым зеленым зданием, ночным кошмаром Ле Корбюзье. Стая воронья галдела над городскими прудами, устремившись к югу, почти сливаясь с подступившей тьмой. Они совершают это паломничество каждый день: утром на север, в Маковецкую дельницу, а по вечерам на свалку к югу от города. Да, бывало, что и Алеш спал с девушкой-биологом, это она рассказывала, и жила она аккуратно в этом кампусе.

Меж бетонными корпусами гуляло эхо, в темноте казенного сквера брнчали струны. Да, верно: у них же там беседка! Алеш тоже сидел там поздно вечером, и тоже накрапывал дождь, а влага и тьма, и беседка проклятая — все казалось чудным сном.

Он так и сказал Ирене после поцелуя, а она пошевелилась у него на коленях, прижалась еще теснее и ответила: «Это не сон, милый. Это по-настоящему».

Высокий, почти пацанский голос надрывался:

*Что делать,
Если наша вода горька,
Если в двери стучит чума,
Если жизнь — это боль,
Если время — наш враг?
Проклятье
Стынет на устах...*

Ришо склонился к решетке микрофона и спорил с пожилым консьержем, тыча в стекло удостоверение. Лейтенант просто ждал в сторонке, пока напарник разберется. Все-таки удивительная штука этот студенческий мир! Сколько воспоминаний, а тогда все казалось и глупым, и горьким, и кое-что даже постыдным, а теперь вспомнишь — и хорошо.

И как же славно, что он не встретил Данку еще тогда! Может, все сложилось черт знает как, может, у них ничего не вышло, но зато есть Мирослав. А познакомься они прежде, в годы гитар и ночных скамеек — он слишком много о себе мнил и был дурак дураком, он никогда бы не узнал, как это: рассказывать сыну про полководцев, великие битвы и крушение империй.

А гитарист все голосил:

*...если ливня не даст гроза,
Если смертью грозит зима,
Если пепел — наш хлеб,
Если тенью стал свет?
Если небу грозить кулаком,
Даст ли небо ответ?*

— Пойдем, — хмуро буркнул Ришо.

Внутри ничего не изменилось с тех пор, как Алеш сюда захаживал. Разве что стало посветлее от новых диодных ламп, да в холлах на каждом этаже висят роутеры. Ого! Хорошо живут нынешние студиозусы.

— А я бы не выбрал такой способ самоубийства, — проворчал Ришо, пока они карабкались на шестой этаж.

— Начнем с того, что ты не самоубийца, — без особой охоты ответил Алеш. — По-настоящему тебе их не понять.

— А не проще отравиться там, я не знаю, из окна сигануть? Да что угодно!

— Разумеется, нет.

— Это почему же? — Ришо остановился на полутемной лестнице. Алешу пришлось подтолкнуть его, чтобы не мешкал.

— Ну смотри. Во-первых, ты ничем не рискуешь, убить не даст проклятье. Никакого вреда. А главное — знаешь, чего боятся самоубийцы? Особенно если от больших чувств, когда жить и жить? Боли! А тут просто вспышка, ты сам видел. Никто не знает, как на самом деле, но кажется — пшик, и тебя нет. Никаких страданий.

— Глупость какая! — фыркнул Ришо.

— Глупость не глупость, а девушке точно проще.

— Но...

— Шестой этаж, — перебил лейтенант. — Нам сюда.

Кристина Пташнык оказалась из тех девиц, которые похожи на мальчишек: подвижная, как ртуть, коротко стриженная, она тут же провела их в комнату, где царил ковер: огромный и алый, от стены до стены.

— Ну да, это я и заявила, — сразу призналась она. — Комендант объявил поиск девушки, которая не ночевала дома и которой не было на занятиях, и я сразу записала Элишку.

— Вы помните...

— Стоп-стоп-стоп! — Кристина провела рукой по стриженному затылку и подозрительно прищурилась. «Пацанка», так это называлось, когда Алеш был в ее возрасте. — А вы чего хотите? Зачем пришли? Нельзя просто так — вломиться и расспрашивать. Элишка...

— ...покончила с собой сегодня утром, — повысил голос лейтенант. — Напала на женщину, которая шла на работу.

— Напала? — девушка покосилась на Ришо, но тот молчал. — Что за?.. Но... Да она же только...

Студентка осела на плюшевый диван, а потом, не глядя, нашарила сигареты.

— У нас есть вопросы, госпожа Пташнык.

— Конечно. Да-да... Если нужно.

— Она же только что? — сразу спросил Алеш. Лейтенант пытался поймать ее взгляд, но девушка упорно не поднимала головы. Какое совпадение: их жертву окружают сплошные скромники. — Вы начали говорить «она же только». Что?

— Только помирилась с родителями, — ну вот и глаза. Синие, большие и честные-честные. Пожалуй, Алеш поверил бы, не сомни она пачку так, что захрустел картон. — После всех ссор, представляете? Она расплакалась, когда проверяла почту. Матерь Божья, а я еще ее утешала! Она обещала познакомить их с молодым человеком.

Нет, не это ты хотела сказать. Совсем не это. Ну, допустим.

— Были у Элишки другие сложности, неприятности? Может дурная компания?

Ненадолго же хватило ее терпения. Студентка вскочила.

— Что вы... на что вы намекаете? Намекаете, что она пьет, как этот... ур-род! Ублюдок! Сукин сын! — голос ее сорвался и сменился всхлипами, Кристина прижала руки к лицу.

Им с Ришо только и осталось, что переглядываться, озадаченно следя за сменой настроений.

— Матерь Божья, кого я пытаюсь обмануть? — слова звучали глухо, девушка повела плечами, как от озноба, и взяла себя в руки. — Пойдемте. Не могу... Пожалуйста, мне очень нужно покурить!

Алеш отступил, пропуская ее к двери. Кристина прихватила с дивана сигареты и повела их в холл, а потом в длинный темный коридор, к пожарной лестнице. До чего же жарко топят в кампусе! Под пиджаком, под рубашкой, по спине Алеша катился пот. Наконец, девушка потянула на себя металлическую дверь, и на лейтенанта дунул сырой мартовский ветер.

— Ур-род! — еще раз повторила Кристина и щелкнула зажигалкой. Снизу, из темного сквера все еще доносилось: «Если камнем стала земля, если горы падут на нас».

— Он пьет? — Ришо взял разговор в свои руки.

— Он — нет, на самом деле не пьет, это маман его. Он... хуже.

Огонек на кончике сигареты подрагивал, когда Кристина затягивалась.

— Простите, я должна была сразу сказать. Все думала: дура, как же я натравлю на человека полицию, а сама не уверена?

— Мы не палачи, — тихо проговорил Алеш.

— Это он, все он. Я точно говорю! Он же ей всю душу вытянул!

Нет, это не то, что им нужно. Лейтенант скривился, когда Кристина закончила:

— И секта эта, слышите? Ублюдку, с которого все началось, они же молятся ему, будто это второе пришествие! И это Мартен втянул Элишку. Это он, ур-род! У них там секта, понимаете?

В этот самый миг горлопан внизу вдруг закончил:

*Что делать —
Из колодцев ушла вода,
В книгах кровью пылает «Аминь»?
Если пала с небес звезда,
Если имя звезде — Полюнь?*

«Полюнь», — мрачно подумал Алеш. И третья часть вод сделалась горькой и ядовитой. Зачем-то он решил непременно объяснить напарнику, о чем песня — но заметив, как сосредоточенно тот строчит в блокноте, промолчал.

Луна в прорезах туч — колкая, как отбитое бутылочное донышко. Они бежали к машине, бледный растерянный Ришо набирал уже третий номер.

— Так узнай, зараза тебя возьми! — от его крика собеседник, наверное, оглох. — Есть приличный район. Нет! Нет, такого не может быть, чтобы сборищ не видели. Зуб даю, бабульки накатали тонны жалоб!

Напарник взялся за дверцу, но Алеш отпихнул его — «Я поведу! Выясняй!» — а сам упал на сиденье и тут же рванул ключ. Уголовка, вот у кого всегда новенькие «японцы», только в их паршивом отделе копят старье. Корыто не желало повиноваться. Шины взвизгнули, когда лейтенант вывернул на Люксембургскую.

— И шел он как раз в ту сторону, помнишь? — парень заговорил, и Алеш заметил, что уже добрую минуту тот никуда не звонит.

— Выясняй, а не рассуждай!

— Черт, я выясняю! У меня же нет архива, знаешь ли. Трех уже запряг.

Кампус, снова дом Крайчика, на холм и опять вниз. Затем машина ворвалась в район богатых вилл, старые тополя вдоль дороги, казалось, валялись назад, словно подкошенные.

Звонок. Ришо молча выслушал, а потом стал отдавать распоряжения:

— Сейчас налево! За банком тоже налево.

Алеш тщетно крутил головой. Кроме фар да тусклой вывески кругом было черным-черно. Редкие машины, с шумом несущиеся по соседней Шорской, остались далеко позади. Справа вздымались элитные высотки, а слева — окна-в-окна — тянулся длинный дом. Алеш даже не знал, что такие есть в старом центре. Как китайские трущобы.

— В арку! — скомандовал Ришо.

— Этот дом когда-нибудь кончится?

— Когда-нибудь точно. Чапкович назвал его Великой Стеной. Высматривай подъезд с черепичным козырьком.

О, это несложно. Такую роскошь он сразу заметит! Груда черных мешков с мусором, спортплощадка. Алеш не удивился, увидев чьи-то носки, мокнущие на бельевой веревке поперек проулка.

— Ну, что я говорил? Это здесь.

Ришо уже вылезал из машины. В сотне метров дом плавно заворачивал и уходил дальше в ночь. Ну точно — китайская стена без конца! На всякий случай лейтенант расстегнул кобуру.

Черт-черт-черт... Поначалу Алеш подозревал, что за Стеликом из всех щелей полезут секты — но успокоился, когда Клемент Даницкий испарился прямо во время проповеди. Редкий случай: старику достались сразу два вердикта, «Ненависть» и «Подстрекательство». А за ними... «Ложь», «Насилие», еще раз «Ненависть», «Мошенничество» — да, проклятье славно произошло по Церкви. Столпы веры исчезали так быстро, что случилось немислимое: оставшиеся епископы вдруг стали жертвовать на медицину. Нет, если какие гуру и объявятся, убеждал себя Алеш, вреда они не принесут. Попросту не успеют.

Но клуб самоубийц, который живописала студентка...

Дерьмо!

И будь ты проклят, Стелик!

Ему же насрать, что творится в душах, в проклятии нет и не было ничего доброго. Бог там или демон, он палец о палец не ударит, наблюдая за медленной деградацией: можно месяцами съезжать с катушек — а кара придет в тот миг, когда ты занес для удара нож.

— Как думаешь, он полезет в драку? — спросил Ришо. — Ну этот, главарь их.

— Не знаю. Сам думаю, — лейтенант тщетно разглядывал редкие светящиеся окна. К черту все! Что он отсюда увидит? Может нужная квартира и вовсе выходит на другую сторону. Алеш проворчал: — Зависит от того, мошенник он или безумец.

— Может, зря мы? А если там сборище? Давай я вызову кавалерию.

— Вызывай, но мы идем внутрь. Не забудь: стрельбы не будет, на то и проклятье.

То была лишь часть правды. Если там больше дюжины фанатиков — их просто скрутят, свяжут, без стрельбы и без особого насилия. Они найдут способ обойти кару, как уже нашли раньше. Но Алеш не боялся, с ноября он вовсе разучился пугаться за свою жизнь. Вот так, сперва теряешь страх, а после — всякую ответственность, вообще перестаешь думать о последствиях. Зачем? Проклятье все решит за тебя.

И все же времени у них нет. За день местный главарь мог подбить на самоубийство еще горсть горожан. Может он занят этим прямо сейчас.

В подъезде царил полумрак, грязный плафон под потолком источал желтую муть. Пыль, тени и плесень — а еще где-то внизу протекла канализация: среди облезлых стен царил запашок. Они вскарабкались по лестнице, и Ришо достал телефон, осветив ступени под выкрученной лампочкой.

— Ну? — у двери парень прикрикнул на Алеша. Оглушительным шепотом. — Что мы, берем квартиру штурмом или играем в добрых полицейских?

Алеш уже давил на круглую кнопку звонка.

— Никакой стрельбы, Ришо! Не забывай про проклятие.

Один звонок, спустя несколько секунд еще. Парень напряженно сопел в темноте. Алеш облизал губы. Там, внутри — кто-то есть, через дверной глазок явственно проникал свет. Лейтенант снова и снова жал на кнопку. Луч от вспышки в телефоне Ришо слегка подрагивал.

Потом защелкали запоры — прошла уже пара минут — и темноту прорезала светящаяся вертикальная щель.

— Полиция!

Ришо не стал объясняться или показывать жетон, он сразу рванул дверь на себя и ввалился в прихожую, размахивая пистолетом.

— Всем на месте стоять! Не шевелиться! Только увижу — стреляю!

Господи, ну кто ему поверит? Впрочем, растерянные мрачные люди не думали ни о сопротивлении, ни о проклятии: даже четырем месяцам сумасшествия не перебить ввевшегося в кожу страха перед стволом. Тучный лысый человечек, который открыл дверь, попытался к вешалке.

— В-все. Уже все, г-господа! Некого ловить. Н-незачем размахивать этой... этой вашей пушкой.

— Молчать! — рявкнул Ришо, но лейтенант потеснил его в сторону.

Длинный коридор весь в драпировках, светится соляная лампа — круглая, похожая на колдовской шар. Сумки и портфели побросали кое-как. Направо зал с подушками на полу — и

добрая дюжина человек выстроились от входа и дальше, столпилась в дверях комнат. Не просто люди. Неудачники. Потерянные. По каждому видно с первого взгляда.

Неряшливая женщина хорошо за сорок всхлипывала. Приземистый парень шепотом матерился. Алеш поймал взгляд некрасивой девушки в дешевом свитере, она попробовала улыбнуться — но спала с лица, заметив злость лейтенанта.

— Господин Лаховец, следователи, — толстяк сглотнул, — он уже мертв. Он тоже отправился... отправился... Куда отправляются жертвы проклятия?

Всхлипывавшая женщина завывала в голос, захлебываясь плачем и закрыв лицо руками.

— Что здесь произошло?

— Что и везде, — голову поднял мужчина с мясистой шеей. — Учитель оказался таким же. Сегодня я пришел первым и нашел его там, в спальне. Что от него осталось.

Ришо угрожающе взмахнул пистолетом, но мужчина все же шагнул вперед и показал дальше по коридору.

Алеш с напарником обменялись взглядами. Пока Ришо расхаживал по прихожей и напускал на себя грозный вид, лейтенант прошел мимо сектантов — ну точно почетный караул вдоль стен — и толкнул приотворенную дверь.

Колдовской шар, дурацкие драпировки и знаки на стенах — вся таинственная параферналия осталась за дверью: в собственной спальне «учитель» предпочитал современность. В полутьме мигал термостат.

Выключатель тихо клацнул и залил желтым светом полусидящий-полулежащий силуэт. Такого Алеш еще не встречал. Видно, учитель нежилась в постели: когда пришла вспышка, он разве что привстал. Пепел расчертил цветастое одеяло разводами.

И надпись «Убийство» протянулась от окна и до тумбочки у кровати.

— Когда это произошло? — Алеш снова вышел и притворил за собой дверь.

— Мы точно не знаем, господа, — толстячок у двери затряс двойным подбородком. — Мы собираемся по вечера...

— Говорю же, это я пришел первым! — выплюнул мужик с мясистой шеей. В вырезе ворота у него на груди кучерявились седые волосы. — Я его нашел. У нас есть ключи, у меня и еще у Ивонны.

— Что там? — хрипло спросил Ришо.

— «Убийство». Он спал, вспышка застала прямо в постели.

— Тогда это пять утра. Время смерти Ягорлыцкой. Я так и думал.

Все это догадки, нужны доказательства, хотел сказать Алеш. Но по правде ничего другого и не приходило в голову. Как еще совершить убийство, не вставая с постели?

— Мартен Крайчик... — начал лейтенант.

— А, так вы за пацаном? — голос мужика с толстой шеей целиком заполнил коридор. — Пацан-то незадолго до вас приходил. Вот только недавно, двух минут не пробыл. Только узнал, что с учителем случилось, и с глазами навывкате убежал.

— Когда это было?

— Да только что! Не знаю, может, минут за семь... десять? — мужик с вопросом оглядел лица товарищей. — Да, вроде того.

Ришо грязно выругался.

Их с лейтенантом взгляды встретились, и они тут же друг друга поняли.

— С минуты на минуту прибудет кавалерия. Тьфу, полицейский патруль! — Алеш уже проталкивался мимо «караула», а его напарник зачем-то взялся растолковывать:

— Не дай Бог из вас кто рыпнется, попробует скрыться! Вашему пацану нужна помощь. Если хотите, чтобы он жил...

Алеш, не церемонясь, потащил напарника к выходу. Черт возьми, все это важно — но некогда, некогда, некогда! Десять минут назад. Дерьмо! Попробуй поймай его теперь, на улицах темного и обезлюдившего города. Когда оба вывалились в попахивающий подъезд, Ришо честно терпел, пока они спустятся хотя бы на этаж.

— Как думаешь, он тоже? За девкой своей собрался? А как мы его найдем?

— Да, думаю! — отрывисто бросил лейтенант. Ох, если б у него был ответ и на второй вопрос. И будь прокляты эти старые дома, куда даже лифт не поставишь!

У машины Ришо быстро забрался на сидение водителя, пока Алеш хмуро оглядывал двор. Фонари горели через один. Вдали мерцала красная вывеска «24/7» — наверное, круглосуточный киоск. Нет. Нет. Не станет Мартен здесь охотиться. Слишком безлюдно.

— К нему домой? — спросил Ришо, едва лейтенант плюхнулся рядом.

— Нет, давай потихоньку и вверх, на холм. На Шорскую, а после Университетскую. Если бы я... — Алеш запнулся. — Короче говоря, засел бы на ближайшем крупном перекрестке.

После двух суток холодной мороси луна светила неожиданно ярко — лейтенант даже прищурился — словно запоздавшее яблоко проглянуло в темной листве. В отдалении пронесся, погромыхивая, грузовик — но в остальном было тихо и пустынно. В окне пожарного управления еще стояла искусственная елочка, усыпанная таким же искусственным снегом, забытая и никому не нужная.

— Тут нет, — проворчал Ришо.

— Давай на Университетскую. Если Крайчик не полный дурак, он где-то здесь!

Машина ползла медленно, так что ее обогнал бы неторопливый пешеход. Зеленые неоновые вывески ювелирного салона «Эмеральд». Подсвеченный фасад «Империя унитазов» — Господи, кому пришла в голову такая чушь! — и сине-черно-золотой флаг. В последние месяцы только флаги и служат самым верным знаком: да, мы работаем.

Но где же, черт возьми, Крайчик?

Неужели он ошибся?

Алеш загнал все мысли так глубоко, как только мог, вглядываясь в шевеление теней, в угловатые силуэты домов и голые кусты. Сперва он увидел только подвыпившего прохожего. В руках у него болтались пятилитровые баклажки для питьевой воды.

Мгновение тот был один — а потом к нему метнулась нескладная фигура. Еще миг — и в свете фонарей блеснул нож.

Алеш не то фыркнул, не то рыкнул — замычал по-звериному, дергая за ручку дверцы. Ришо не успел остановиться. К черту! Все одно ползут со скоростью черепахи.

Он вывалился на плохо освещенную улицу, холодный влажный воздух прынул в лицо.

— Стоять! Полиция!

Проспект словно раскачивался взад и вперед, треклятый студент был то совсем близко, то в сотне-другой метров, и время стало вязким, точно слякоть под ногами.

— Стоять!

К черту проклятье, Алеш выстрелил в воздух.

Студент на миг остановился. Дернулся, словно его пронзила боль, а потом бросился наперерез пьяному горожанину. Баклажка упала в грязь.

Алеш изо всех сил рванулся вперед. Еще две пули в воздух — да только поздно, нож уже взлетел, сверкнув над головой пьянчужки.

А потом миг, другой — слишком медленно, будь оно проклято! — Алеш прищурился, чтобы не ослепнуть от вспышки...

Они покатались по грязи. Запах дешевых сигарет парня прынул в ноздри. Они перекувырнулись, неловко ворочаясь в сковывающей движения верхней одежде, и с грохотом ударились о стенку журнального киоска.

Нож — уже бесполезный, безвредный, просто кусок металла — отлетел в сторону и теперь валялся у решетки канализации.

Киоск снова загрохотал, когда студент высвободился из-под лейтенанта и отполз прочь.

Алеш обнаружил, что сидит прямо в холодной слякоти, потирая ушибленное плечо. Через дорогу, бросив машину с открытой дверцей, бежал Ришо.

— Она не пришла. Вспышка не пришла!

Что это? Кажется, парень всхлипнул?

— Тупица! Недоумок! Чертов дегенерат! — ничего осмысленного не шло на язык. — Потому что ты, вкурващ, хотел умереть и ждал вспышку, а не по правде готов был убить!

Но Крайчик не слышал его. Обхватив себя руками, тот раскачивался из стороны в сторону и твердил:

— Она не пришла. Вспышка не пришла.

Алеш оглянулся, но пьяного горожанина уже и след простыл.

Все тихо, все мертво — в звенящей ночной тишине вопрошающий голос Ришо отдавался, верно, за несколько кварталов.

По Шорской, которую они недавно миновали, пронеслась, шипя по мокрому асфальту, машина. На пару секунд влажную взвесь прорезало веселенькое «Don't call my name, don't call my name, Alejandro!» — и заглушило вопрос товарища.

А на Даниц востро накатывала весна, Даниц озяб, продрог и кутался в покрывала ночных туманов. Алеш дорого бы дал, лишь бы разглядеть за ними завтрашний день.

Дело о старом автобусе

Лейтенант дождался, пока студента упакут в автозак, а на дверцах загремят стальные запоры. Парень так и не пришел в себя, повторяя, как заклинание: «Вспышка! Не было вспышки, не было».

— Машина «тринадцать-В», код сорок три, — Алеш склонился к открытой дверце и с силой рванул из салона рацию. — Операция завершена, помощь уже не требуется.

— Машина «тринадцать-В», принято. Вызванный вами патруль приехал по адресу...

Рация хрустела и щелкала про сектантов, но тогда-то и подал голос телефон в кармане Алеша. Мелодией, которая играла только на полковника.

— Принято, — буркнул он в рацию и уставился на экранчик.

«Лукаш Вит», услужливо подсказывал телефон.

«Входящий вызов. Лукаш Вит».

И еще так: «Входящий вызов. Лукаш Вит. Ответить?»

Откуда-то Алеш знал: ему вовсе не следует отвечать — но все же снял трубку. В ухо ворвался долетающий издали, пронзительный, привыкший отдавать приказы голос:

— ...черт тебя возьми, где шляешься? Ты нужен мне здесь, понял ты? Здесь!

На вопрос, где «здесь», Алеш услышал короткие гудки.

— В отделение, — скомандовал он напарнику. — А после поезжай домой, я сам управлюсь.

До проводов Мирки меньше полутора часов. Но это ничего, он успеет — если только Вит не станет разглагольствовать.

Пока Ришо несся ночными улицами — фасады и вывески едва мерцали, словно побаиваясь светить в полную силу — Алеш отчего-то вспомнил «Заводной апельсин». Петер Стелик, что бы ты учинил с человеком, который планомерно сходит с ума? Правильно, ничего — ровно до той поры, как попробует нажать на курок. Проверено. А с хирургом, который спас сотни жизней — но обнищал, позатаскался и потянулся к чужой сумочке?

Глупый вопрос. Проклятию плевать на жизни.

«Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия».

В городе больше не осталось насилия — да только нет и шанса на раскаяние или выздоровление.

Будь ты проклят, Стелик! Ты и вся твоя гребаная справедливость.

В серой коробке на Гавра Лубвы светилась едва ли пара окон, и одно из них — в кабинете полковника. Вит даже не обратил на лейтенанта внимание: он расхаживал по кабинету, орал в трубку, ругался, требовал результатов и на чем свет стоит клял «сранных остолопов». Когда полковник бросил телефон на груды бумаг, Алеш понял, что тот и вовсе забыл о подчиненном.

— Да, — проворчал Вит. — Верно. Ты мне нужен.

Он прошагал к креслу и плюхнулся, сложив пальцы домиком.

— Дело с «Унынием», полковник, — начал отчитываться Алеш, просто чтобы нарушить долгую вязкую тишину. — Оно закончено. Как вы и хотели.

— К черту «Уныние»! — отрезал Вит. — Пока ты таскался по городу, у нас новый президент, вернее, станет им завтра в полдень. Вместо пройдохи теперь будет фанатик.

— Боже!..

Алешу пришлось сесть, потому что колени у него задрожали.

— Да, фанатик, значит, и ему плевать на кодекс. Прошлый хотел, чтобы полиция предотвращала исчезновения, а этот сделает из нас инквизицию. Но вызвал я тебя не за этим.

— Вы так спокойно об этом говорите? — перебил Алеш.

— Он ненадолго, — полковник отмахнулся, а потом вдруг выключил свет, так что комнату озаряло лишь блеклое мерцание монитора. — Странно, что до сих пор не испарился. Все это уже было, в пригородах, в каждом ведомстве: пройдоха, фанатик, потом по-настоящему честный, но тупой служака. Я не за этим тебя вызывал, слышишь?

Сержант Гужар, сразу понял Алеш. И мрачный вид начальства подтвердил его догадку. Вит покраснел так, что румянец добрался до макушки и теперь алел сквозь редкие седые волосы, даже в тусклом свете.

— Да, сынок, — полковник рассеянно кивнул. — Аккурат, как наш педофил решил отобрать пальто. В салоне служебной машины хрен что прочтешь, пепел с пластика тут же осыпался, но клянусь, это «Убийство», и в тот же миг, как отозвалась рация. Водитель только хрюкнуть успел.

— А сам педофил?

— Отправился к своим убудочным предкам, вот что! Итого два горелых: чертов любитель детишек и наш бравый Гужар.

Полковник поймал взгляд Алеша и удерживал его, пока лейтенант не поежился.

— Ты понимаешь, что могло быть пять горелых, а? — скрипучий голос Вита прорезал полутьму. — Это только для начала два: педофил и исполнитель — а еще ты, я и начальник главного управления. И в первую голову мы с тобой.

— Да.

— И почему же горелых два, а не пять? — резко спросил Вит.

— Петер Стелик установил не справедливость, а свой диктат, — оттарабанил лейтенант и тут же принялся пояснять: — Понимаете, это ведь не справедливость в чистом виде. Скорее, как она видится конкретному человеку. Его произвол: захотел покарал, а захотел — нет.

Вит долго молчал, и Алеш решил добавить:

— По правде... Если честно, полковник, я не верю, что нам удастся что-нибудь найти на Стелика. Все равно, что искать Христа после Воскресения. Его уже нет. Просто нет. Все эксперименты тщетны.

Полковник ослабил воротник. Достал из кармана шелковый платок, долго и тщательно его складывал — а потом промокнул со лба пот.

— Вот что. При тупице-служаке нам снова потребуется кодекс, что можно делать, а что нет, — Вит поморщился. — Так что дело с «Унынием» не прячь, пригодится. Это вопрос пары недель. Но тебя же интересуют не президенты и не их хотелки?

— Так точно, господин пол...

— Да-да, я знаю, что ты скажешь! Напомнишь мне про проводы и все такое, — Вит снова умолк, по скулам его перекатывались желваки. — Ладно. Иди, меч правосудия. Завтра договорим. Нам бы только фанатика переждать, слышишь? Потом будет проще, потом все поправится. А пока иди. Иди.

Господи, какая глупость! Что поправится, что может поправиться?

Но Алеш молодцевато щелкнул каблуками и вскоре прикрыл за собой дверь — пока полковник не передумал.

От этой самой двери — и до завтрашнего утра — во всем городе остался Мир и только Мир.

В двадцать шесть он не понимал, что такое сын. Все его чувства — редкие мгновения, когда безмозглый розовый комочек его умилял. Куда чаще Алеш испытывал усталость, раздражение, а вскоре — злость. Данка вдруг разлюбила его. Внезапно и без предупреждения. Их чувства, проведенные вместе годы, все увлечения и грандиозные замыслы — рухнули, едва появился ползающий, пачкающий, как щенок, и вечно орущий младенец. Они с женой смотрели стеклянными от недосыпа глазами. Они перестали друг друга понимать. Да что там, не слышали, не разговаривали. Как сквозь пуленепробиваемое стекло.

Лишь шаг отделяет нелюбящую женщину от нелюбимой — просто не каждый мужчина готов его проделать.

Но у Алеша получилось всего за год.

А изменилось все... черт возьми, когда же изменилось? Мирке исполнилось четыре? Пять? Когда они с сыном впервые *поговорили*? А может, то было в день, когда Мир познавал силу тяготения — тогда, в парке, на мостике над водопадом, когда сын бросил крохотный кабриолет в пенные струи?

По старой привычке Алеш прикрикнул, а после не понял, как вышло, что мальчик у него на руках, а он не знает, кому из них досталось хуже: Миру — оттого, что большой умный папа закричал, или ему — оттого, что сорвался на сына?

Он принялся искать этот чертов кабриолет: от водопада вниз и вдоль ручья — по всему парку — и, конечно же, не нашел и с тоской повел сына к Дане, убиваясь над проклятушей машинкой, даже когда Мирка ее уже забыл.

Все они: Данка, Ришо и Вит тоже — все уверены, что мир меняется к лучшему, что осталось подождать, ведь стало чище, честней и безопасней. И только Алеш Барда, как заведенный, твердит, что все летит в бездну.

А может, это он не прав?

Недели не проходит, чтобы Ришо не совал ему под нос статистику.

— И как по-твоему, что это значит?

— Все сыплется, — Алеш переложил листы отчета. — Ни у кого нет денег. Машина стала роскошью.

— Не ври, машин восемьдесят процентов. Нет, это значит, что ДТП — даже, зараза, ДТП — и тех меньше. Просто стали осторожнее водить.

Четыре месяца — борьба, семейные споры и скандалы. Смешно, даже в мелочах... к примеру, Ришо перестал говорить «если все пойдет хорошо» — только «когда все пойдет хорошо». А в день, когда одноклассник Мира остался без родителей, Дана заметила:

— Слушай, ты видел? Цены-то упали, вот просто упали все цены! Можно сделать из лоджии такой уголок, почти сказочную беседку. Или новую детскую для Мирки.

Четыре месяца.

Четыре чертовых долгих месяца!

Теперь же Данка принялась ворчать, словно заправская старуха. Устала, мне холодно, не помог собраться — поток бессмысленных пустых слов, даже не для того, чтобы пожаловаться. Просто он должен помнить: это он настоял, он, сама она переболела страхом и ни в жизнь не сорвалась бы с места.

Темень и впрямь сгустилась вокруг машины, стала почти бездонной. Лучи фар — вытянутые круги света — выхватывали то развалюху, то выбоину в асфальте, а то покосившийся столб с провисшими проводами.

В предместьях Даница как будто пронеслась война.

И уж совсем не помогало, что мэрия начала экономить и поотключала освещение на окраинах — а может, то буря повредила линии, и теперь их некому восстановить.

А может, Даниц и был таким, все эти годы — а он, сидя в старом центре, в Ворошской дельнице, и не догадывался?

— Да мне вообще не нравится эта затея. Какой-то частник...

— Дана!

Полицейский был на пределе, она почувствовала и вовремя заткнулась. Алеш молчал. Слишком многое рвалось наружу, жалило язык. Наконец, он разлепил непослушные губы:

— Сама знаешь, автобусы не ходят. Скажи спасибо, что вообще кто-то нашелся!

— Я вот скажу, — начала Дана, но в этот миг успевший задремать Мир заворочался, и оба родителя умолкли, точно заговорщики.

И вовремя.

Фары выхватили из тьмы потертый микроавтобус, старенький «Крайн» — и двух толстых теток, которые грузили не менее пузатые сумки.

Ночь огласилась лаем, когда Мир выбрался из служебной машины. Мальчик тер заспанные глаза, но сразу бросил это занятие, едва вокруг запрыгал лохматый пекинес: пес истово хотел дружить, *дружить!* — темно, страшно и так много запахов, ему давно надоела прогулка, но хозяйка отчего-то не ведет в теплый дом.

Смешно. Пожалуй, больше всего Алеш жалел даже не сына, а собаку. Мирке ведь можно объяснить: «Так надо. Видишь же. Потерпи, всего-то три часа, хорошо?» Мир вообще умница! Только собака не поймет, что люди мрут, как мухи, и для чего вся эта долгая и пахнущая металлом прогулка.

Но даже славно. Сыну так будет веселее.

— В полном порядке, офицер! — водитель, ражий мужик, зачем-то отдал честь. — Сперва вот отвезу дамочек, это поближе, в Торзе. А после сразу по вашим делам! К утру будем в Свигорском заповеднике.

— Я слышал, жители предместий не выпускают беглецов. И что в провинции даницкие номера не жалуют.

— Офице-ер! — мужик протянул слово, словно Алеш его оскорбил. И вытащил табличку с другим номером. — Все в полном порядке! Проедем озеро, я тут же поменяю. Ну а хотите, возьмите мой телефон! Что, думаете, не понимаю? У самого пацан. Правда, года на три постарше.

Ничьи дети, кроме Мирки, лейтенанта не занимали. Никто, кроме фигурки в дутом комбинезоне и криво нахлобученной шапке с помпоном. Сын сидел на корточках и чесал за ухом пекинеса — и, Господи, как же его такого отпустить? На месяцы, а может даже годы.

— Ну! — рявкнул Алеш, водитель икнул и принялся сбивчиво диктовать номер.

Затем они долго собирались, грузились, ругались и выясняли, кто что забыл. Алеш взял сына на руки, стиснул крепко-крепко, у самого захватило дух. Миркин комбинезон пах сырым ветром и собакой.

А потом «Крайн» тронулся. Глухо заворчал мотор. Включились грязные фары, осветив ранее спрятанную во мраке кладку: не то фермы, а не то склада, цеха... Боже, да какая разница? Слева, за хлипким забором-сеткой светилось озеро. По воде вытянулась дорожка переменной, то прячущейся, то необычайно яркой луны.

Всего-то двести метров. Ну, может, триста.

Алеш не успел еще залезть в машину, когда фары высветили две цепочки людей.

Получается, они так и стояли там? Все это время, в темноте, они молча наблюдали за сборами и ждали? Две цепочки, два ряда. Все взяли за руки, в свете фар лица проступали из тьмы бледными пятнами. Те, что слева — уцепились за сетку над берегом, а справа — за водосточную трубу на стене склада.

— Ну что там? — пробормотал Алеш.

Впрочем, он уже знал, что.

Водитель притормозил и резко посигналил.

Нет! Если б их можно было испугать — не выстроились бы так, в два ряда. Кто там ни есть, они настроены серьезно. Алеш почти ничего не видел: против света, нащупывая ногой асфальт, он двинулся вперед.

— Полиция! — гаркнул он.

Водитель тоже высунулся в окно, осыпав незнакомцев бранью. Дерьмо! Голоса, голоса, а слышно лишь обрывки спора, перепалку.

— Что здесь происходит? Полиция Даница! — вновь крикнул Алеш и ускорил шаг.

Как в ужасном кино. Тень и лучи света — точно по центру композиции. Ветер сжалился, донес обрывки фраз:

— Все пошло от вас! ...заразно! ...несете его к нам!

— ...бежать. Сами варитесь в своем грехе!

А вот луна не сжалась. Осветила обрамленные тьмой лица, словно белые маски в театре кабуки.

— Поли... — неуверенно начал Алеш.

Детина под два метра сердито поджал губы. Девушка резко дернула головой, отбрасывая волосы.

— ...лиция, бледзь! Не может поддержать порядок! — крикнул патрульный у кафе «Штур». Алеш еще запоминал фамилию. Калынчик?

Ему вдруг стало холодно. Вздох или два он быстро шагал, и комья слякоти летели из-под ног во все стороны. Да как такое может быть? Некогда задумываться! Алеш пересек четверть разделявшего их расстояния — и побежал.

Холодная, черная и блестящая тьма проникла в горло, легкие щипало при каждом вдохе. Кто-то приподнял крышку ведущего в бездну колодца — и сразу опустил.

— Да я сейчас!..

Взрычал мотор, и водитель включил фары дальнего света, сделав кадр вдвое светлее.

Но они все продумали. Никто по ним не поедет, если хочет жить сам, и две цепи — не так-то просто скрутить их, оторвать от забора. Человек двадцать — против шести, и это считая Мирку.

Алеш выстрелил в воздух.

Асфальт под ногами потрескивал, словно тонкий ледок, и крошился от шагов полицейского. Нет! Водитель завел машину и медленно тронул, как будто угрожая наехать на первую шеренгу.

Нет... О Боже, нет.

Алеш прищурился от вспышки, а потом был звук, как от упавшей жестяной банки с гвоздями. Скрежет сетки, свет фар взметнулся в воздух и мазнул черноту у самой яркой звезды на востоке.

Скрип, визг... и звук скользит, соскальзывает в озеро. А он не может поделаться ничем. Когда над «Крайном» сомкнулись темные воды, ночь пошла зыбью — ну точно морозный воздух.

Не в силах опустить взгляд, Алеш просто смотрел на звезду.

Она возвещала о новом мире и Божьей благодати.

Милостью Господа всегда наступает май, даже после длинной и тяжелой зимы, даже если наперекор порядкам самая долгая ночь в году — в марте, а не в декабре. Несколько недель Алеш метался, у него были жар и лихорадка — а об остальном и говорить не хочется. Его отчего-то поместили в высоком небоскребе с шипастой короной, под самой крышей даницкого мира. Были дни, когда хотелось раскроить себе голову об эти стены — с бледными обоями в вертикальную полосу и синей линией под потолком. Не вышло. Все время за ним кто-нибудь да присматривал, ласковые женские руки укладывали его, гладили лоб, лицо, плечи, успокаивали и убирали слипшиеся волосы.

То могла быть Марта Повиц, а может студентка эта, Ягорлыцкая? А может... Нет, не может. Эта наоборот — стояла в шеренге тех, кто не давал автобусу проехать.

Но весна все равно пришла. Сперва город укрылся первой зеленью, и каждое дерево не шелестело — рукоплескало гулякам. Асфальт льнул им под ноги. Алеш видел это с высоты задранных к самому Раю окон.

А потом, с наступлением мая, явился патер: тот самый, из телевидения.

Застыл в дверях и зачем-то спросил:

— Господин Барда?

— Алеш Барда. Но вряд ли господин, — чувствовал он себя сносно, но только час назад получил очередной укол.

«Укол» и «господин» — видите ли, эти слова не очень вяжутся друг с другом.

Патер обезоруживающе улыбнулся. Затем он подошел и сел подле кровати. Молча. Алеш отложил книгу и опустил ноги на пол.

— Да что вы! Лежите. Лежите, как вам удобно!

Алеш оперся на подушку локтем и совсем немного расслабился. Очень долго они разглядывали друг друга. А патер все-таки славный человек... кажется. Лицо у него открытое, молодое, смешливое, и в уголках глаз спрятались морщинки.

— Что там? — хрипло спросил лейтенант.

— А знаете, там хорошо! — подумав, ответил священник. — Люди ко всему привыкают, даже к войне, а война — это ведь Ад на земле. Не может человек постоянно жить в страхе.

Голос все еще едва повиновался, и Алеш выдохнул:

— Обманываете? Чтобы я чувствовал себя спокойней? — но патер пропустил возглас мимо ушей.

— Даже к войне, — глухо повторил он. — Положа руку на сердце, в этом стыдно признаться, но и мне нравится, что получилось. Только я думаю, вы хотите услышать что-то более конкретное. Вы спрашивайте!

— Президент-фанатик.

— Фана... а-а-а, вы про Лазара! — патер усмехнулся. — Он просидел одиннадцать дней. Знаете, как бывает? Настоящему президенту, старому прожженному шакалу, на смену приходит жулик и вор, а потом — фанатик, это вы верно говорите! А сейчас у нас женщина. Бухгалтер. Для нее дело чести свести все до гроша, она привыкла не нарушать ни одного правила и ни единой инструкции. Так мы и варимся в своем соку.

Варимся.

Это слово больно царапнуло Алеша. Ришо, вот кто всегда верил в лучшее. Как он сейчас? Скорее всего, приходил, но в ту пору полицейский метался в бреду, остались лишь смутные образы. Как знать, что сейчас думает Ришо — быть может, он наоборот, ходит сычом — для Алеша все изменилось в миг, когда со дна озера подняли Мира, и тот улыбнулся отцу, и в глазах его светились любовь, и бесконечная милость, и понимание.

Мир, впрочем, приходил лишь изредка. Но зато чувствовал все — и навещал ровно в те мгновения, когда тьма сгущалась.

Лейтенант бросил взгляд в высокие окна. Прищурился.

— «Стыдно признаться». Вы сказали «стыдно признаться»? — по привычке он начал расспрашивать.

Священник потупился.

— Мне сложно это объяснить, сын мой. Это и в самом деле сложно. Мы ведь... за всю историю не было года столь безопасного и процветающего, и даже... по-своему счастливого. Знаете, на воскресную службу приходят толпы набожных даничан! Я вижу в их глазах надежду. Поначалу они боялись, но на самом деле одобряют. Мы по природе своей не злы, мы верим, что с нами такое не приключится.

— Се, гряди скоро, и возмездие Мое со Мною, — проговорил Алеш.

Патер печально улыбнулся. Ну почему, почему в его взгляде столько сострадания? Даже нет — жалости!

— Но все же мне стыдно.

Священник замаялся. Затем он покрутил свой крест. А потом заговорил, но только не для Алеша, а для себя, опустив глаза, время от времени разглаживая черное одеяние на коленях.

— Мне стыдно, потому что люди получили поистине адский подарок — и мне это нравится. Мы избавлены от ответственности. Грех уже не воздается в посмертии, это немедленная кара, здесь и сейчас. Нравится! Все только похоже на утопию, вся эта благодать, она исходит ведь не из нас, а из невидимого террора. Я молюсь, каждое воскресенье в особенности, когда после службы я говорю с прихожанами и краем уха слышу: «А ты знаешь, такой-то исчез! То-то

подлец был!» Я молюсь столько, что немеют губы, колени ноют на каменном полу, я смотрю прямо по центру распятия, пока оно не начнет двоиться, но все слова складываются в одно: «Господи, мне все равно откуда! Мне это нравится...» Тысячи молитв. Все звучат одинаково: мне нравится, нравится, нравится!..

Повторяя это слово, священник зажмурился. Умолк. Май за окном как будто померк, все звуки стали глуше. Наконец, патер открыл глаза и посмотрел на Алеша.

— Тот стих из Откровения, который вы цитировали. Нет, это не тот. Врачи говорили, в последние недели вы ждали апокалипсис. Он наступил. Вот это, — священник развел руки, словно обнимая больничную палату, — вот это апокалипсис. Самый безопасный год за всю историю!

— Чтобы воздать каждому по делам его.

— Нет, это не тот стих. Правильный — «Царство Мое не от мира сего» и «Уже немного Мне говорить с вами; ибо идет князь мира». Милостивый Господь бессилен и обещает свое царство потом. Нужен князь мира, чтобы построить справедливое царство на земле.

Алеш смотрел на священника, только теперь сообразив, о чем это он. То было одно из мгновений, когда обычно и приходил Мир. Но сегодня сын отчего-то не явился.

Ужас сковал уста Алеша. Он понял вдруг, что боится и этого человека в черном, и его слов, и самого себя. Полицейский зажмурился, сглотнул раз, другой, третий — но слова все равно вырвались наружу, вместе с дыханием. Только сказав их, Алеш понял, что кричит:

— Уходите. Вон! Я не хочу вас видеть. Не хочу слышать. Убирайтесь! Не хочу, не хочу...

Он не заметил, когда комната на вершине небоскреба опустела. Он не заметил, когда больничная палата погрузилась во мрак.

Он подошел к окну, надеясь увидеть зыбь первой листвы, волнующейся вдоль бульваров Даница — но город погрузился во мрак: светилась лишь пара окон, на улицах же царила тьма. Мэрия наконец-то начала отключать фонари.

Князь мира. Нравится. Тысячи молитв. Каждое слово — как гонг, они гудели, отдавались эхом в коробке черепа.

Из отражения в мутном стекле Мир протянул руку и нежно коснулся щеки отца, погладил по лицу. Сказал:

— Я знаю, ты не виноват.

Оконные щеколды в больнице совсем заржавели и поддались не сразу. Этаж — четвертый. Это он быстро подсчитал.

А потом ночь приняла его в свои объятия.

* * *

Алексей ничего не мог с собой поделаться: день за днем вспоминал, как кровь медленно заполняет трещинки меж плитками мостовой. Кровь-то, оказывается — очень густая. Гораздо гуще воды или даже кофе. Особенно, если ее много. Такая алая и течет так вязко, лениво, томно. Чуть дальше, в метре-другом... смотреть не хочется, а надо: рубашка на сыне задралась, открыв всему миру загорелый живот.

— Да, — сказал на опознании Алексей. — Это он.

Хуже всего — быть в ясном сознании.

Когда мальчик погиб там, еще до глупого прыжка, в Данице — он хотя бы помутился рассудком, и то было почти милосердием. Куда хуже вновь оказаться в Аду, только в здравом уме и ясной памяти.

Без разохшегося больничного окна.

Без возможности сбежать.

Куда? Как знать, за бегством снова будет Даниц с его чертовой справедливостью, а может все они — горелые, грешники и самоубийцы, как он — всегда и переносились сюда? В Данице — справедливость. Здесь — героизм. Из Ада нет выхода. В третьем будет еще что-нибудь:

любовь, или мудрость, или вовсе неведомое, главное, что город тот же, и он тот же, и мальчик мертв.

Лавочку на бульваре — у кафе, где подавали имбирный чай, Дашка страшно его любила — пробило осколком. Стелянный небоскреб, там за матовым стеклом New York Street Pizza, а разносчицей рыжая девушка лет двадцати — небоскреб весь покрылся фанерой, часть стекол выбило взрывной волной.

От сына осталось разве только фото. Алексей полез в карман, чиркнул зажигалкой и поднес свет к выцветшему снимку — но вскоре забыл, что хотел, услышав дальний рокот и глухие удары, от которых содрогнулась земля, а бетон завибрировал.

За час до полуночи в предместьях Донецка вновь заработала артиллерия.